ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Л. Синявер

ШОПЕН

МУЗГИЗ · 1951

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Л. Синявер

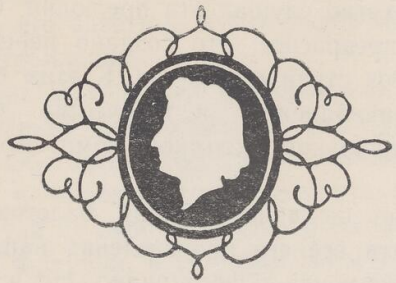
ШОПЕН

1952

Государственное
Музыкальное Издательство
Москва · 1951 · Ленинград

Серия выходит
под общей редакцией
В. А. Васиной-Гроссман

Zbiory Stowarzyszenia I.F.C.
2384
NARODOWY INSTYTUT FRYDERYKA CHOPINA BIBLIOTEKA



НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ШОПЕНЕ

К двадцать шестой годовщине со дня смерти Владимира Ильича Ленина Московская консерватория открыла выставку, посвященную памяти великого вождя трудящихся. В одной из витрин были собраны любимые музыкальные произведения Ильича. Рядом с революционными песнями «Замучен тяжелой неволей» и «Варшавянка», рядом с «Патетической симфонией» Чайковского и сонатами Бетховена можно было увидеть сборник «24 прелюдии» Шопена.

Ленин охотно слушал эти прелюдии. Он высоко ценил все прекрасное, что создано передовым искусством всех стран и народов. К этим богатствам культуры принадлежит и творчество Фридерика Шопена, гениального польского композитора и пианиста.

Шопен не писал ни опер, ни балетов, ни симфоний. Почти все его произведения написаны для одного инструмента — фортепиано. Но в этих фортепианных пьесах он показал себя великим художником и мастером, открывшим новые, до него не известные пути в музыке.

Детство и юность Шопен провел в Польше. Прислушиваясь к песням родины, он научился в своей музыке выражать чувства с такою же искренностью и правдивостью, как это делает народ в своих песнях. Шопен многое воспринял от польской народной музыки. Им использованы самые формы национального танца — мазурка, полонез, краковяк. Но не только эти танцовальные пьесы, а и все творчество композитора рассказывает нам о жизни польского народа. Произведения Шопена глубоко проникнуты национальным духом.

Польша во времена Шопена находилась под гнетом царской самодержавной России. Лучшие люди Польши возглавляли борьбу своей страны за свободу и независимость. Величие Шопена в том и состоит, что он как гениальный художник выразил

в своем искусстве свободолюбивые мечты польского народа, его заветные думы, надежды и национальные стремления.

Фридерик Шопен жил и творил как пламенный патриот, верный сын отчизны. Его судьба была трагична. Обстоятельства так сложились, что ему пришлось в молодые годы покинуть родину. Он больше туда не вернулся. Около двадцати лет он провел во Франции, в Париже. Но и там, на чужбине, Шопен не изменил отечеству. Он всегда с гордостью называл себя поляком. Своим прекрасным искусством композитора и пианиста он поддерживал священный огонь патриотизма в сердцах соотечественников.

«Поэт фортепиано» — так часто называют Шопена. С огромной силой поэтического вдохновения и в самой совершенной форме он повествует о печали и радости, о страданиях и борьбе за счастье родины. На эту последнюю, героическую сторону его творчества в прежние времена обращали мало внимания. Гений Шопена всегда находил признание, но в нем ценили главным образом грустные, лирические настроения. А между тем — сколько создано им замечательных жизнерадостных и мужественных образов!

Прошло сто лет со дня смерти и сто сорок лет со дня рождения Шопена. Лишь сейчас, в наши дни, его творчество раскрывается перед миллио-

нами слушателей во всей полноте и глубине. Все шире становится круг почитателей его музыки.

В этой небольшой книге рассказана краткая история жизни и творчества Фридерика Шопена. Узнав этого замечательного человека и музыканта, нельзя не оценить его за то великое, что он внес в культуру славянских народов и всего передового человечества.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

В начале прошлого столетия близ Варшавы было расположено именье Желязова Воля, принадлежавшее польской помещице графине Скарбек. Весной и летом все вокруг кудрявилось зеленью, шумели старые липы, а зимой снежная пелена покрывала сад и дорогу, ветер завывал в печных трубах, напевая однообразную песенку. В один из таких вечеров, первого мар-

та 1810 года, в семье Николая Шопена, домашнего учителя детей Скарбек, родился сын. Его назвали Фридериком. Говорят, что в час рождения Фридерика под окнами дома остановились бродячие музыканты и сыграли нехитрую польскую мелодию. Если верить этой легенде, то музыка была первым впечатлением Шопена, появившегося на свет.

Отец Фридерика, Николай Шопен, родом из Лотарингии, приехал в Польшу в конце восемнадцатого столетия и нашел здесь вторую родину. Он работал счетоводом на небольшой табачной фабрике. Но времена были тяжелые, фабрика закрылась, пришлось искать другие средства к существованию. Благодаря знанию французского языка, Николай Шопен был приглашен воспитателем к детям графини Анны Скарбек в поместье Желязова Воля. Здесь хорошо относились к Шопену — он слыл не только знающим и учтивым человеком, но и убежденным патриотом Польши. Ведь недаром он сражался в рядах армии Тадеуша Костюшко, боровшегося за национальную свободу страны. В доме Скарбек Шопен встретил молодую девушку Юстину Кжижановскую и женился на ней. Вскоре после рождения второго ребенка — Фридерика — Николай Шопен переехал в Варшаву, где получил место педагога в лицее. Он преподавал и в других учебных заведениях и, кроме того, открыл у себя дома пансион для учащихся лицея. Это имело боль-

шое значение для Фридерика: ребенок всегда чувствовал вокруг себя среду товарищей-сверстников. Николай Шопен и его жена были люди строгих жизненных правил. Отец отличался практическим складом ума, мать, тихая, скромная женщина, вся ушла в заботы о доме. Вечерами она пела сыну старинные польские песни. Очарование музыки очень рано затронуло душу Фридерика.

Ему пять лет. Он должен высоко поднять глазенки кверху, чтобы увидеть лицо учителя Живного. Войцех Живный, чешский музыкант, давно жил в Варшаве. С утра до вечера ходил он по домам, обучая детей фортепианной игре. Он занимался и с Людвикой, старшей сестрой Фрицка. Фрицек внимательно слушал игру Людвики и потом, вскарабкавшись на табурет перед роялем, сам пробовал сыграть фортепианные пьесы. Когда Живный заметил, с каким упорством и рвением отдается мальчик этому занятию, он объявил, что пора и Фрицку учиться музыке.

Войцех Живный, со своей неразлучной табакеркой и огромным фуляровым платком, дольше, чем всюду, задерживался в доме Шопенов. Учитель и ученик стали друзьями. Однажды Фрицек с гордостью, но несколько смущаясь, сообщил своему наставнику, что он сочинил фортепианную пьесу. Это была пьеса в форме полонеза, торжественного польского танца. Да вот беда — он не умеет писать ноты, и сколько

ни пробует записать свое произведение, ничего не выходит... Живный выслушал пьесу юного автора и взволновался до слез. В наивных музыкальных опытах Фрицка он сумел разглядеть большое дарование. Живный предложил ученику свою помощь: он стал записывать мелодии, пьесы, сочиненные Фридериком, попутно посвящая его в тайны нотной записи. И очень скоро Фридерик, овладев этим искусством, представил учителю свое произведение, собственноручно написанное прямым детским почерком. Первое напечатанное в Варшаве сочинение Шопена удостоилось похвального отзыва в одном из варшавских литературных обозрений в январе 1818 года.

«Сочинитель этого польского танца,—говорилось в обозрении,— мальчик, едва достигший восьмилетнего возраста—подлинный музыкальный гений. Он не только с легкостью и необычайным вкусом исполняет на фортепиано труднейшие пьесы, но и является уже автором нескольких танцев и вариаций, вызывающих изумление знатоков, особенно если принять во внимание юный возраст композитора». Конечно, Фридерик находился тогда под впечатлением музыки, которую он часто слышал и дома и у знакомых. Ему нравились полонезы польского композитора Михаила Огинского, чуть-чуть грустные и певучие. Он невольно подражал Огинскому. Но было нечто новое, неожиданное в детских пьесах Шопена, и это новое, свежее располагало к нему слушателей.

По существовавшим обычаям того времени, в домах известных людей Польши устраивались концертные вечера. В одном из таких любительских концертов принял участие девятилетний «Шопенек». Мать очень волновалась, отправляя сына на этот вечер. Шутка ли сказать, сам писатель Немцевич пригласил Фридерика выступать в концерте, на котором должно было присутствовать блестящее общество Варшавы. Ребенка одели в бархатную курточку и короткие штаны, на нем был великолепный отложной воротник. Выступление маленького пианиста, сыгравшего трудный фортепианный концерт, вызвало бурю восторга и похвал. Но в детской своей наивности он был уверен, что именно этот замечательный воротник произвел самое большое впечатление на слушателей...

С той поры о «Шопенке» заговорили как о «чуде Варшавы». Его наперебой приглашают на музыкальные вечера, его имя отмечается в варшавских газетах. Знаменитая итальянская певица Каталани, приехавшая в Варшаву, дарит ему часы с выгравированной надписью: «подарены Анджеликой Каталани десятилетнему Шопену». Успехи Фрицка доставляют много радости родным. Однако Николай Шопен вовсе не хотел сделать сына скороспелым артистом. Мальчик должен учиться и

учиться, а там, если влечение к музыке окажется настойчивым, пусть изберет дорогу искусства. Когда Фридерику исполнилось двенадцать лет, Войцех Живный заявил, что он передал ученику все свои познания. Между тем, дарование ребенка привлекло внимание Юзефа Эльснера. Это был опытный польский педагог и композитор. Подобно Живному, он сделался наставником и другом юного Шопена. Эльснер был счастлив тем, что ему пришлось сыграть серьезную роль в художественном воспитании гениального ученика.

ГОДЫ УЧЕНИЯ

В Варшаве, на площади Казимира помещался лицей, где преподавал Николай Шопен и куда был принят его сын. Учился Фридерик добросовестно, хоть и не ко всем предметам испытывал одинаковое влечение. Более других наук интересовала его история и литература родной страны.

Перед взором юноши проходили картины жизни польского народа. В течение многих веков Польша

была могущественным государством. Однако неограниченная власть дворянства и высшей знати и частые военные столкновения с другими народами обессиливали страну: в конце восемнадцатого столетия трижды происходили разделы польской земли между более сильными государствами. Последний раздел был произведен в 1795 году, после неудачного восстания Тадеуша Костюшки, национального героя Польши. Большая часть страны в виде Царства Польского вошла в состав Российской империи.

Обо всем этом Фридерик слышал рассказы в семье. В гостеприимном доме Шопенов бывали известные польские ученые, писатели, музыканты. Они вели беседы о том, что не могло не волновать каждого поляка. Часто вспоминали о дне 24 марта 1794 года, когда Тадеуш Костюшко на городской площади Кракова дал торжественную клятву— всю жизнь свою посвятить борьбе за свободу отчизны. Вспоминали о временах, когда Николай Шопен, капитан польской национальной гвардии, сражался под знаменем Тадеуша Костюшки. Говорили о царе Александре Первом, который обещал сделать поляков свободными и счастливыми, но вовсе не торопился выполнить свое обещание. Говорили о волнениях в Виленском университете, называли имя польского поэта-патриота Адама Мицкевича. В 1825 году молодые русские офицеры, дворяне-революционеры возглавили в Петербурге восстание

декабристов (так впоследствии назвали участников этого первого вооруженного выступления против самодержавия и крепостничества). Как писал о декабристах выдающийся русский революционер-демократ А. И. Герцен, «это были богатыри, кованые из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение...» Оторванные от широких народных масс, декабристы были жестоко разгромлены. В доме Шопенов говорили о событиях 14 декабря, о виселицах и каторге, о несметных жертвах, среди которых были и поляки... Юный Шопен многого не понимал тогда, но он смутно чувствовал, насколько возвышенны, благородны желания, протесты и мечты его соотечественников, польских патриотов.

Однако пора юности брала свое. Живой ум, веселый нрав Фрицка сделали его любимцем товарищей, вожаком изобретательных игр и забав. У него были друзья — Титусь Войцеховский, Юлиан Фонтана, Ян Матушинский, Доминик Дзевановский, Антон Водзинский. Фридерик, вместе с сестрами организовал домашнее «Литературное общество развлечений». Сам он принимал участие в сочинении стихотворных комедий и сам же выступал актером в домашних спектаклях. Он был талантлив во всем: писал остроумные стихи, рисовал меткие карикатуры. Особенно ярко в нем проявлял-

NARODOWY INSTYTUT FRYDERYKA CHOPINA BIBLIOTEKA
Zbiory Stowarzyszenia I.F.C.

ся дар подражания. Он умел с удивительным сходством изобразить чей-нибудь голос, походку, выражение лица, и делал это так весело, с такой милой непринужденностью, что никому не приходило в голову обижаться на него.

Летние каникулы Фридерик проводит в Шафарне—имении родителей школьного товарища, Доминика Дзевановского. Здесь, среди скромной и горячо любимой природы Мазовии проходят счастливые дни отрочества. Аромат лугов и полей, голос жаворонка, слепящий луч солнца, каждый шорох, каждое движение так много говорят чувствам юноши.

Как всегда, Фридерик умеет быть и серьезным и веселым. Обитатели Шафарни с удовольствием читают юмористическую газету «Курьер Шафарский», издающуюся под редакцией Фридерика Шопена в подражание «настоящей» газете «Курьер Варшавский». От внимания юного редактора не ускользает ни одно событие или приключение семейной жизни. Они описаны с юмором, с умной наблюдательностью:

«Местные новости.— 11 августа господин Фридерик Шопен скакал на горячем коне. Ему не удалось, несмотря на неоднократные попытки, обогнать мадам Дзевановскую, шедшую пешком (виноват был не он, а его лошадь). Тем не менее он одержал победу над мадемуазель Людвикой, которая была уже почти у столба...

13-го числа сего года господин Беттер проявил необычайный талант в игре на рояле. Этот берлинский виртуозус играет в духе господина Бергера (пианиста из Сколимова). В технике он превосходит мадам Лаговскую. У него столько чувства, что почти каждая маленькая нотка, кажется, исходит не из сердца, а из огромного брюха.

15-е число... Вчера ночью кошка, пробравшись в шкаф, разбила бутылку сиропа. С одной стороны, она заслуживает виселицы, а с другой — достойна похвал, так как выбрала самую маленькую бутылку»...

В праздничные вечера, как только раздавался звук скрипки деревенского музыканта, Шопен отправлялся на сельский бал. Мазур —любимый танец мазовшан! Ни одна мелодия не заставит сердце поляка биться так сильно.

Шопен жадно вслушивался в эти мелодии, задорные или нежные, захватывающие своим ритмом. Он видел танцующие пары в кругу, стремительные и грациозные движения, блеск глаз, улыбки, живые лица. Это глубоко врезалось в память. Где бы он ни был, в городе или деревне, огромное впечатление на него производили мотивы народной песни, наигрыши пастушьей свирели, живописные польские танцы — увлекательный мазур, веселые обѐрек и краковяк.

Николай Шопен
(Отец композитора)

Юстина Шопен — Кжижановская
(Мать композитора)

Сохранился рассказ о том, как Шопен, проходя однажды по улице, заметил девочку, сидевшую на заборе дома и напевавшую мелодию мазурки. Внезапно песня оборвалась. Но Фридерик во что бы то ни стало захотел дослушать мелодию до конца. Он долго упрашивал девочку продолжать пение и даже предложил ей за это несколько грошей.

Любовь к музыке все больше овладевает им. Иногда ему снится по ночам мотив песни, и он не может дождаться утра, чтобы подойти к фортепиано и сыграть эту мелодию. Его заветные мечты направлены теперь к одной цели: он непременно будет пианистом и композитором и постарается достигнуть совершенства в музыкальном искусстве.

В те времена в Варшаве уже существовали национальные школы и театры, позволявшие артистической молодежи развивать свои вкусы и таланты и приобретать профессиональные знания.

В конце восемнадцатого столетия был создан национальный оперный театр. Рассказывают интересную историю об открытии этого театра. Один из певцов итальянской труппы, выступавшей в Польше, впервые спел какую-то арию на польском языке. Успех был настолько велик, что стало ясно: необходимо создать свою, национальную оперу. Такая первая польская опера была написана Мацеем Каменским. За ней последовал ряд других опер, принадлежавших Яну Стефани, Каролю Курпинскому,

Юзефу Эльснеру. На варшавской сцене шли, конечно, оперы и итальянских и французских авторов. Но польские национальные произведения имели особенно большое значение для развития патриотических чувств музыкальной молодежи. Оперы сочинялись большей частью на сюжеты из отечественной истории. Некоторые композиторы сами собирали по деревням напевы народных песен и танцев и пользовались ими для создания оперных произведений. Правда, эти оперы еще не обладали высокими художественными достоинствами, но они подготовляли почву для будущего расцвета национальной музыки.

Не менее важной для воспитания молодежи была деятельность польской музыкальной школы. В 1821 году в столице Польши была открыта консерватория, в которой получали образование музыканты-исполнители, а через пять лет — Главная школа музыки для подготовки композиторов. Сюда-то и был принят Фридерик Шопен по окончании лицея.

Директор Школы Юзеф Эльснер пользовался известностью и в Польше и за границей. Это был опытный композитор, автор многих исторических опер, кантат, симфоний. Но больше всего прославился он как чуткий педагог, умевший всегда находить дорогу к сердцу ученика. Учеников у него было много: он воспитал несколько поколений

польских музыкантов. Стены его скромной квартиры были увешаны портретами питомцев. При встрече с Эльснером ученики целовали его в плечо — знак высшего уважения по старинным польским обычаям.

Эльснер придерживался определенных взглядов на музыкальное образование. Он считал необходимым вырастить не только хороших музыкантов, но и деятельных строителей польской музыкальной культуры. К счастью он понимал, что такие таланты как Шопен нуждаются и в строгой дисциплине и в разумной свободе. Молодой музыкант избрал свой путь, и надо руководить им с осторожностью. Эльснер и другие преподаватели приводили в порядок знания Шопена.

Подобно Живному Эльснер поддерживал в ученике привязанность к родным напевам, в то же время поощряя в нем любовь к произведениям великих музыкантов Иоганна Себастьяна Баха, Моцарта, Бетховена. Впрочем, Эльснер потому и ставил Фридерику в пример этих гениальных мастеров, что их непревзойденное искусство тоже было связано с народом, с народной песней и танцем. Уроки Эльснера не заключали в себе ничего сухого, педантичного. На живых примерах и пояснениях учителя Фридерик узнал, как произошли и развились различные формы музыкальных произведений—от простой песни до оперы, от небольшой пье-

сы до сложной симфонии. Эльснер задавал ему писать темы с вариациями [1]. Шопен хорошо изучил и другие виды музыкальных пьес—рондо, сонату [2].

Но как сам Шопен применял эти познания на практике? Наряду с пьесами в народном духе — мазурками, полонезами, фантазией на польские темы—он сочинял пьесы классической формы. Среди них имеются Рондо, Рондо в виде мазурки, Рондо в виде краковяка, Вариации на тему из

---

[1] Тема с вариациями — музыкальное произведение, в котором основная тема повторяется несколько раз в измененном виде. Каждое такое изменение и называется вариацией. При этом изменяться может либо мелодия, либо ритм, либо гармония.

[2] Рондо — инструментальное сочинение, состоящее из нескольких разделов. После каждого нового раздела повторяется один и тот же «припев», как в куплетной песне.

Соната — крупное музыкальное произведение, состоящее обычно из нескольких частей (3-х или 4-х). В сонате из четырех частей первая часть называлась Аллегро, то-есть музыка в быстром движении, вторая часть — Анданте, Адажио или Ларго — в медленном движении, третья часть — Скерцо («Шутка»); музыка здесь легка и подвижна. Заключение сонаты — Финал — в быстром движении. В сонатах Шопена медленная часть и Скерцо меняются местами.

Первая часть сонаты (а иногда и другие части) строится на музыкальном развитии двух тем, большей частью различных по характеру. В сонатной форме пишутся не только сонаты, но и другие музыкальные произведения — трио, квартеты, симфонии.

оперы Моцарта «Дон-Жуан», юношеская фортепианная соната. В этих произведениях Шопен еще следует образцам, которые он так прилежно изучал на школьной скамье. Многие композиторы и исполнители увлекались тогда виртуозной музыкой, то-есть музыкой, привлекавшей, прежде всего, внешним блеском, яркостью и совершенством отделки. Для исполнения такой музыки необходима хорошо развитая беглость пальцев, уменье владеть всеми сложными приемами фортепианной игры. Повинуясь моде, Шопен тоже сочинял эффектные блестящие пьесы. Однако и в эти ранние сочинения он вносил искру живого чувства. К таким юношеским произведениям принадлежат Вариации для фортепиано с оркестром на тему из оперы Моцарта «Дон-Жуан». Эта музыка покоряет слушателя не только потому, что она легка и изящна, но и потому, что в ней живо ощущается поэтический дух оперы Моцарта. Всего одну мелодию взял Шопен у Моцарта: эту мелодию поет главный герой оперы, молодой искатель приключений Дон-Жуан в сцене с простодушной крестьяночкой Церлиной. Но каждая вариация Шопена как будто показывает нам новую драматическую сцену — то фантастическую, полную движения, то проникнутую сдержанностью и спокойствием. А заканчивается всё это красочной картиной: последняя вариация написана в стиле торжественного польского танца. Значит, и здесь,

обращаясь к произведениям классической формы, Шопен придает им народно-национальный характер.

Выдающийся немецкий композитор и музыкальный критик Роберт Шуман был одним из первых, кто отметил достоинства Вариаций Шопена. К удивлению Шумана, на обложке нот, попавших к нему в руки, было обозначено: «опус второй» [1]. Это говорило о творческой юности автора. Но в музыке молодого композитора уже заключалось все, что позволяло предсказывать Шопену блестящее будущее. И Шуман предсказал ему это будущее, произнеся знаменитые свои слова: «Шапки долой, господа, перед вами гений!»

В ПУТЬ-ДОРОГУ

Усердный ученик Эльснера, Фридерик одновременно посещает варшавский университет и слушает лекции Казимира Бродзинского по польской литературе и Яна Бентковского по всеобщей истории. Он не пропускает случая, чтобы пополнить запас своих знаний и впечатлений. Почти ежедневно юноша заходит в нотный магазин Бжезины — нет ли новинок? И арии из опер, и новая книга стихов польских поэтов, и концерт известной пианистки Марии Шимановской — все вызывает в нем живой интерес.

[1] Опус — работа, сочинение. Опус обозначает порядковый номер в списке сочинений композитора. Например, полонез опус 53 — это пятьдесят третий труд автора.

А как обрадовался Фридерик, когда представилась возможность побывать в Берлине. Это была случайная поездка; один из друзей отца, доктор Яроцкий взял его с собой, отправляясь на съезд естествоиспытателей в прусской столице. Шопен присутствовал на заседаниях и на банкетах съезда. Кое-кто из ученых показался ему неимоверно смешным — как этот профессор ботаники из Гамбурга, «лягушонок с медвежьими лапами». А самого председателя съезда, в расшитом мундире, он принял чуть ли не за королевского камердинера! Но не в этом дело. Гораздо больше привлекала его концертная и театральная жизнь Берлина. Он пишет родным:

«Я чувствую себя хорошо. Со вторника, как будто нарочно для меня, в театре ежедневно дают что-нибудь новое. Самое же главное то, что я уже слышал ораторию в Певческой академии. С удовольствием также я прослушал оперы Чимарозы «Кортец», «Тайный брак» и Онслова «Заговорщик».

Но оратория Генделя «Праздник Цецилии» все-таки больше соответствует идеалу, который я себе составил о возвышенной музыке... Завтра — «Фрейшюц» [1]. Его-то мне и нужно. Буду сравнивать с нашими певицами. Нынче я получил билет на парадный обед, устраиваемый в Манеже для участников съезда. Вот когда увеличится собрание карикатур!»

В конце мая 1829 года в Варшаве происходили царские торжества. Николай Первый приехал в Польшу, чтобы короноваться здесь и принять титул «царя польского». Для любителей пышных зрелищ были приготовлены иллюминации, балы и гуляния, прохождения воинских колонн. На самом же деле это означало, что русский самодержец приобретал еще бо́льшую власть над Польшей, еще туже затягивалась петля на шее польского народа.

Шопен мало интересовался шумихой, поднятой вокруг коронации. Все мысли Фридерика были поглощены концертными выступлениями прославленного итальянского скрипача Никколо Паганини. Как раз в те дни Паганини приехал в Варшаву; это было началом его триумфальной поездки по городам Европы. Шопен был захвачен

[1] Опера немецкого композитора Вебера «Волшебный стрелок».

игрой великого артиста. Казалось почти невероятным, что человек в состоянии достигнуть такого виртуозного владения инструментом. В этом светлом и могучем потоке звуков сама жизнь представлялась радостной, сильной, широко раскрывающейся навстречу будущему.

Окончена музыкальная школа. Шопен много работал перед выпускными экзаменами. Ему необходимо отдохнуть и развлечься. Он решил съездить в Вену: там много хороших, опытных музыкантов—пусть выскажут о нем свое мнение. А тут еще три друга-товарища вызвались сопровождать его. Итак, молодые люди отправились в путь. Они были похожи на птенцов, вырвавшихся на свободу.

Вена радушно встретила Фридерика. Издатель Хаслингер уже слышал о нем. Шопена знакомят с выдающимися музыкантами Вены. Среди них—пианист Карл Черни, автор фортепианных этюдов, которые и поныне изучаются в музыкальных школах всех стран. Когда Фридерика представили пианисту Гировецу, тотчас же вспомнилась картина детства: ведь этот Гировец был автором концерта, сыгранного маленьким «Шопенком» на первом благотворительном вечере в Варшаве! А теперь Гировец громко кричит и усердно аплодирует Шопену, выступающему в венском театре. Все, начиная с дирижера Лахнера и кончая настройщиком рояля, покорены искусством Шопена. Его сочинения — Рондо и

вариации на польскую народную песню—получают восторженный прием. Газеты отзываются о Шопене с большой похвалой, отмечают его артистическую игру. Правда, он играет слишком мягко и нежно, и это единственный упрек, который делает ему Вена. Во всех других отношениях Шопен получает полное признание. Венские музыканты не перестают удивляться: неужели такого мастерства можно достичь в Варшаве? Шопен шутя отвечает, что у Живного и Эльснера даже самый большой осел чему-нибудь да научится...

За короткое время он успел приобрести друзей. Когда пришло время уезжать из Вены, его провожали тепло. Он обещал снова приехать.

Между тем, Николай Шопен считал, что Фридерику необходимо совершить более длительное артистическое путешествие по Германии, Италии и Франции. Сломив гордость, отец подает прошение о выдаче сыну стипендии для завершения образования за границей в течение двух лет. В просьбе было отказано — для поддержки таланта Фридерика Шопена у казны не нашлось средств... Ответ Шопену был дан в утомительно длинных выражениях: «На просьбу ясновельможного пана Николая Шопена, поданную дня 13 апреля на предмет обеспечения его сыну государственного пособия для заграничного путешествия с целью усовершенствования таланта игры на фортепиано, по поручению Его Превосходи-

тельства Председательствующего в Административном Совете объявляется, что Совет, осведомившись о мнении Министра внутренних дел и полиции, не нашел себя склонным согласиться с ходатайством просящего...»

Ну, что ж, он обойдется без помощи казны. Быть обязанным только самому себе, своему труду — таков характер Шопена. Даже в письмах к Титусю Войцеховскому он высказывает эти взгляды: «Свет часто считает несчастным человека в поношенном костюме, измятой шляпе и дырявых башмаках... Когда мне нечего будет есть, ты предоставишь мне место счетовода в Потуржине[1]. Я буду жить в домике возле пруда и буду там чувствовать себя так же хорошо, как в замке... Считаю долгом сказать, что я не принадлежу к категории бездельников. Когда нужда потребует, я буду работать за двоих».

Фридерику Шопену двадцать лет. Не одна девушка украдкой вздыхает при виде этого стройного юноши. У него тонкое лицо, мягкие пепельно-каштановые волосы, а глаза кажутся то голубыми, то золотисто-карими. Сердцем Шопена уже овладело первое чувство привязанности. Девушку звали Констанция Гладковская. Она училась пению в варшавской консерватории. Какая радость — слу-

[1] Потуржин — имение Войцеховских.

шать ее чистый, прозрачный голос, заниматься вместе музыкой. Мысль о Констанции удерживала Фридерика в Варшаве, хотя давно было решено, что ему пора улететь из родимого гнезда.

Были и другие причины, по которым отъезд откладывался со дня на день. Передовые люди Польши, возмущенные национальным бесправием, собирали силы для борьбы против самодержавия. Готовилось восстание. Как покинуть дом, семью в такое время? С другой стороны, Шопен считал, что и искусство должно участвовать в национальной борьбе. Вот почему он так много работал и вот почему соглашался на отъезд, чтобы вернуться на родину еще более знающим и опытным музыкантом.

Фридерик аккуратно складывает свои рукописи и ноты, готовясь в дальнюю дорогу. Вместе с полудетскими пьесами здесь собраны сочинения, говорящие о зрелом творчестве молодого Шопена.

Даже тогда, в годы юности, он писал по-новому, не так, как его предшественники. Шопен почти закончил первую тетрадь этюдов,— небольших пьес для фортепиано. Обычно этюды служат для укрепления и развития рук у пианиста. Этюды Шопена, конечно, тоже предназначаются для развития беглости пальцев, но вместе с тем они содержательны и красивы. Здесь можно услышать и песню счастливой молодости, и напев грустный как картина

осенней дороги, и легкую шутку, и бурный рассказ о перенесенных страданиях.

В эти ранние годы им были написаны два больших произведения—два Концерта для фортепиано в сопровождении оркестра.

Инструментальный концерт в творчестве предшественников и современников Шопена представлял собой своеобразную форму соревнования между солистом и оркестром. У Шопена главное значение приобретает солист, оркестру же уделяется скромная роль сопровождения. Следуя примеру Моцарта и Бетховена, Шопен рассматривает фортепианный концерт не только как виртуозную пьесу, но и как содержательную музыкальную повесть. Здесь мы еще не находим отголосков трагических переживаний или образов печали, так глубоко выраженных им в последующих сочинениях. Сейчас он отдается лирическим мечтам и порывам юности. По словам автора, медленная часть первого концерта «должна производить впечатление ласкового взора, устремленного туда, откуда всплывают тысячи приятных воспоминаний. Это какие-то грезы в прекрасную лунную весеннюю ночь». Вслед за тем композитор развертывает перед слушателями картины, написанные в народном духе. В заключительных частях первого и второго концерта мы слышим ритмы польских национальных танцев — краковяка и мазура.

С поразительным блеском и душевной теплотой сыграл Шопен оба свои концерта на прощальных вечерах перед отъездом из Варшавы. Родители, Эльснер, Курпинский — все поздравляли его с успехом. Одна из почитательниц прислала ему лавровый венок. Кто-то посвятил ему стихотворение. Из нотного магазина Бжезины его просили прислать свой портрет. Но скромный Шопен находит, что этого было бы слишком много для первого раза. Он шутя пишет приятелю: «Мне совсем не хотелось бы, чтобы в меня заворачивали масло...».

Шопен попрежнему поглощен событиями варшавской музыкальной жизни. Он усердно посещает спектакли оперы, гастроли знаменитой певицы Генриэтты Зонтаг и других выдающихся артистов. Но в письмах Шопена все чаще упоминается слово «отъезд». Мысль о предстоящей разлуке с родными пугает его.

Сколько ни откладывали день отъезда, он все же наступил, этот серый день осени. Накануне друзья устроили Фрицку проводы. Было очень весело, каждый старался отогнать грустные мысли. Фридерик сыграл и спел бойкую песенку, сочиненную им на стихи приятеля Стефана Витвицкого. А через мгновенье он заливался горькими слезами, слушая прощальные слова, с которыми обращались к нему провожавшие друзья. Какое-то предчувствие

подсказывало ему, что он не вернется больше в Варшаву. Умереть на чужбине, вдали от близких — как это должно быть тяжело...

На следующий день Шопен сел в карету. Варшава осталась позади. Подъезжая к предместью Воля, он увидел группу юношей с листками нот в руках. Это Эльснер привел сюда учеников консерватории, чтобы спеть кантату, сочиненную в честь Фридерика. Учитель напутствовал своего любимца:

«Пусть твой талант, рожденный среди польских полей, принесет тебе славу повсюду. Где бы ты ни жил—на берегах Шпрее, Тибра или Сены—пусть звучат в твоей музыке напевы старой Польши, доставляющие нам радость: мазурка и милый сердцу краковяк...»

Долго еще звенели в ушах путешественника эти слова, о которых он так часто вспоминал вдали от отчизны.

Шопен с Титом Войцеховским прибыли в знакомую Вену. Столица Австрии уже позабыла о прошлогодних успехах польского музыканта. Нет, решительно Вена не обращала внимания на серьезную музыку. Публика увлекалась легкими вальсами и виртуозными ариями из итальянских опер. Были почти забыты даже такие великие музыканты, как Бетховен и Шуберт, всего два-три года назад погребен-

ные на венском кладбище. Шопен сообщает своему учителю Эльснеру: «Они тут называют сочинениями вальсы Штрауса и Ланнера, которые капельмейстеры играют им для танцев! Из этого, однако, не следует, что все здесь так думают. Напротив, почти все над этим смеются, но все-таки печатают только вальсы».

Как бы там ни было, нужно думать о цели, ради которой он сюда приехал. Шопен встречается с музыкантами Вены, бывает в немногих домах, где умеют ценить искусство. Особенно расположен к нему доктор Мальфатти, придворный врач и страстный любитель музыки. На вилле Мальфатти Шопена принимают с распростертыми объятиями.

У него нет недостатка ни в развлечениях, ни в новых музыкальных знакомствах. Однако поглощенный думами о родных, о Констанции Гладковской, Фридерик переживает мрачные дни в Вене. Только домой он старается не писать об этом, и часто скрывает тоскливые настроения под обычной для него шуткой. Так он описывает мазурку на венском балу, где «старая немецкая графиня с большим носом и ноздреватой физиономией выделывала своими длинными и худыми ногами какие-то странные па вальса, грациозно держась двумя пальчиками за платьице...» Об известной венской певице Гейнефеттер Шопен говорит: «У панны Гейнефеттер нет почти никакого чувства. Голос, подобный кото-

Желязова Воля. Дом, где родился Фридерик Шопен.

Шопен-ребенок за роялем.

С картины художника А. ГАУ

рому мне не скоро придется услышать; всё великолепно передающий, точно выдерживающий каждую ноту... Но всё так холодно, что я чуть было не отморозил себе носа, сидя в первом ряду близко от сцены».

Он попрежнему скромен, внимателен к окружающим, требователен к самому себе. Ему в голову не приходит, что его творчество может быть поставлено в один ряд с творчеством выдающихся музыкантов. В королевской библиотеке в Вене он увидел книгу в футляре с надписью «Шопен». Это была рукопись вариаций на тему из «Дон-Жуана». Шопен удивился и даже склонен был посмеяться над руководителями библиотеки.

Шопен на всю жизнь запомнил день, когда ему и друзьям, Титу Войцеховскому и Томашу Нидецкому, принесли известие: в Варшаве началось восстание. Войцеховский сразу загорелся. Ехать в повстанческую армию! Фридерик тоже решил отправиться с Титом, несмотря на все возражения и доводы приятелей. В это время пришло письмо от отца. Николай Шопен считал, что Фридерик гораздо лучше выполнит свой патриотический долг, продолжая служить родному искусству. Словом, отец категорически запрещал Фридерику двигаться с места. Больших трудов стоило молодому музыканту подчиниться родительской воле и развязать чемоданы. Он пишет родным и друзьям письма,

полные отчаяния. Он завидует каждому, кто сейчас надел военный мундир. Яну Матушинскому он пишет: «Ты идешь на войну. Возвращайся полковником. Отчего я не могу быть хотя бы барабанщиком?!»

Положение Шопена тем более трудно, что его душевное состояние мало кто понимает в Вене. Доктор Мальфатти пытается ему доказать, что артист не имеет отечества, а принадлежит всем странам и народам. Шопен с негодованием возражает ему и пишет об этом в Варшаву: «Как артист, я еще нахожусь в колыбели, а как поляк — начал уже третье десятилетие...»

Что стало со всеми? Где друзья—Титусь Войцеховский, Ян Матушинский, Маурициий Мохнацкий? Как часто выражали они желание сражаться за вольную Польшу. И вот это желание осуществится. «Мы сочиняем чудную поэму народного восстания,— писал Мохнацкий,— наша жизнь уже стала поэзией. Лязг оружия и грохот пушек—вот что отныне будет нашим ритмом и нашей мелодией».

В тоске и тревоге проходят несколько месяцев. Наконец, Шопен решает покинуть Вену. Ему выдают паспорт в Лондон «с проездом через Париж». По дороге, в чужом немецком городе он получает печальное известие: царские войска сломили сопротивление польских повстанцев и заняли Варшаву. Буря горьких и гневных чувств закипела в душе

Шопена. Под впечатлением этих переживаний он пишет этюд, получивший название «революционного».

Могучим дыханием борьбы полна его музыка. С первого аккорда обрушиваются на нас волны рокочущих звуков. Это повесть о грозных силах жизни, сталкивающихся в смертельном бою.

Не этюдом, а мужественной поэмой следует назвать это произведение, открывающее перед нами одну из героических страниц польской истории.

В ПАРИЖЕ

Мировую славу завоевал древний город Париж. Некогда он был центром науки и искусства. Сюда стремились ученые и артисты, поэты и художники. Веками накапливались здесь неслыханные богатства, и рядом с ними царила

крайняя нищета. При королевской власти хорошо жилось только аристократам и дворянам, на долю же простых людей доставались налоги и притеснения.

Народ Франции не раз сражался на баррикадах Парижа, борясь за лучшую жизнь. Летом 1830 года, когда появились новые жестокие законы, еще более ухудшавшие положение народа, брожение охватило весь Париж.

Во дворце короля Карла Десятого царило спокойствие.

Король делил свои досуги между охотой и игрой в карты с приближенными. Его предупреждали о грозящей опасности. Ему доносили, что ремесленники, крестьяне, владельцы лавок возбуждены до предела. Но он не обращал на это никакого внимания. В случае беспорядков, говорил он, достаточно одного пушечного выстрела, чтобы разогнать «крикунов».

Но вышло иначе. В конце июля началось революционное восстание. Общий порыв парижан был настолько велик, что удваивал силы в борьбе против королевских войск. Чудеса храбрости проявляли седовласые старики и пятнадцатилетние подростки.

Юные девушки водружали на занятых общественных зданиях трехцветные флаги Франции, срывая ненавистное белое знамя короля. В уличных

столкновениях принимали участие и артисты. Здесь был известный оперный певец Адольф Нурри, здесь был и молодой композитор Гектор Берлиоз, обучавший толпу пению народного гимна «Марсельеза».

Однако и на этот раз революция не внесла больших изменений в жизнь Франции. Вместо Карла на престоле очутился новый король—герцог Орлеанский Людовик-Филипп. Страной стала править кучка банкиров, владельцев угольных шахт и железных рудников. Трудовой люд попрежнему влачил жалкое существование. То и дело происходили стачки ремесленников, рабочих-подмастерьев. В ноябре 1831 года в большом фабричном городе Лионе вспыхнуло восстание ткачей. Они вышли на улицу, неся огромное знамя с надписью: «Жить в труде иль умереть сражаясь!»

Незадолго перед этими событиями дилижанс доставил в Париж Фридерика Шопена. Шумная жизнь французской столицы сразу захватила его, вовлекла в свое течение. На парижских бульварах устраивались тогда народные демонстрации в честь участников разгромленного польского восстания. Пестро одетая толпа заполняла улицы и переулки с криком: «Да здравствуют поляки!» Легко представить себе, как это подействовало на Шопена.

С обычной своей наблюдательностью он присматривается к тому, что происходит вокруг. И вскоре

пишет верному другу Титусю: «Здесь теперь большая нужда, в обращении мало денег, встречается множество ободранцев с выразительными физиономиями, и не раз слышишь угрожающие разговоры о дураке Филиппе [1], который еле висит на своем министерстве. Низший класс раздражен окончательно, ежеминутно готов изменить свое бедственное положение».

Но особенно красноречивым становится Шопен, когда он пишет о музыке. Ведь ради этого, ради музыки он и приехал сюда. Он уже знаком со всеми спектаклями парижских оперных театров, постоянно посещает симфонические концерты, слушает всех знаменитых певцов и музыкантов. В гостеприимном доме композитора Керубини Шопен познакомился с Джакомо Мейербером, автором только-что поставленной оперы «Роберт-Дьявол». У Керубини бывали и другие оперные композиторы — Обер, Россини, увлекавший всю Европу своей искрящейся, певучей музыкой. Кто не знал тогда его замечательных опер «Севильский цирюльник» или «Вильгельм Телль»?

Арии Россини звучали в Париже, Милане и далеком снежном Петербурге, и гениальный русский поэт Александр Сергеевич Пушкин упоминал о Россини в своих стихах.

[1] Короле Людовике Филиппе.

Представьте себе эту кипящую атмосферу Парижа, над которым только недавно пронеслась революционная гроза. Здесь собрались самые знаменитые люди артистического мира. На концертной эстраде царил молодой пианист Франц Лист, его пламенная игра покоряла все сердца. Молодой композитор Гектор Берлиоз написал «Фантастическую симфонию»; это был своего рода «музыкальный роман», рассказывавший о мечтах и страстях юного артиста. В Салоне живописи внимание посетителей привлекали выразительные, написанные сочными красками картины художника Эжена Делакруа. В литературных кругах много говорили о романах Виктора Гюго и Жорж Санд, героями которых были страдающие, отверженные люди. И в игре артистов, и в стихах поэтов, и в творениях музыкантов сказывалось новое направление, известное под названием романтизма.

Романтическое искусство—очень сложное явление. В нем переплетались различные художественные течения. Творчество многих романтиков отличалось неверием в будущее, несбыточными мечтами и фантазиями. Это и понятно. Ведь романтизм возник в эпоху реакции, последовавшей за Французской революцией 1789 г., когда новые общественные порядки оказались, по словам Энгельса, «вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей».

Но, с другой стороны, были и другие романтики, создававшие передовое, жизненное и яркое искусство. Они тоже чувствовали, что между мечтой и действительностью существует постоянный разлад. Но они стремились перестроить жизнь, а не уйти от нее в мир фантазии. Их мечты были действенными, они звали вперед, к борьбе за счастье народов и человечества. В творчестве передовых романтиков находили отклик и революционные движения и национально-освободительная борьба. Художник-романтик Делакруа увековечил на своей картине баррикаду революционного Парижа, а композитор Берлиоз написал «Траурно-триумфальную симфонию», посвятив ее памяти героев революции. Когда в 1823 г. началась в Греции национально-освободительная война, великий английский поэт-романтик Байрон («властитель наших дум» — так называл его Пушкин) принял участие на стороне греческих повстанцев.

Романтического героя с беспокойной душой, жаждавшей свободы, находим мы и в музыке Шопена.

Многое сближало Шопена с романтиками, и прежде всего—интерес к народной жизни, к песням и легендам своей страны, к национальному прошлому родины. Но если он воспевает прошлое Польши, если отдается мечтам, то при этом он мечтает о будущем и твердо верит в будущее. Шопен никогда не выражает свои чувства в таких ярко пре-

увеличенных, даже порой напыщенных образах, как это было свойственно другим романтикам. Он более сдержан. Он правдиво рисует жизнь. В этом нас убеждает любая мелодия Шопена, такая простая и полная искреннего чувства. В этом отношении Шопен похож на Глинку и на многих других русских музыкантов. Нельзя забывать о том, что в годы молодости Шопена в России уже расцвела реалистическая поэзия Пушкина, и уже Глинка, возвратясь из Италии, писал свою русскую народную оперу «Иван Сусанин».

Первые выступления Шопена в Париже взволновали все музыкальное общество. Выдающиеся пианисты того времени—Франц Лист, Фридрих Калькбреннер, Фердинанд Гиллер, Феликс Мендельсон — наперерыв старались выказать внимание юному польскому артисту. Газеты с похвалой отмечали и его поэтическую игру и его оригинальные произведения, так мало похожие на пьесы модных виртуозов. Больше всех восторгался Шопеном Франц Лист, впоследствии написавший о нем книгу. Шопен стал гордостью соотечественников, польских эмигрантов, поселившихся в Париже после разгрома варшавского восстания.

Несмотря на успехи, жить было очень трудно. Сбережения подходили к концу. Пользоваться поддержкой родных он не хотел, зная, что и там, в Польше, теперь живется не сладко. Уехать? Но ку-

да? Он уже совсем было приуныл. Но с каждым новым выступлением в парижских кругах росла его слава. Ему предложили несколько уроков. Количество учеников увеличивалось изо дня в день. Так началась для Шопена жизнь «модного педагога».

Эта новая деятельность заставляла и жить иначе. Шопен должен был завести собственную коляску, заказывать платье у лучших портных. Но стал ли он счастливее? Уроки отнимали много времени, да к тому же среди учеников было немало «высокопоставленных» тупиц. Какая му́ка — слушать их фальшивую игру! Показной блеск салонов утомлял его. Еще из Вены он писал другу детства Ясю Матушинскому: «Все обеды, вечера, концерты, танцы, которых имею по уши, надоели мне,— так тоскливо, глухо и мрачно здесь... Я не могу поступать, как мне нравится, а должен наряжаться, обуваться, завиваться, разыгрывать в салоне спокойствие, чтобы потом, вернувшись домой, бушевать за фортепиано».

Что ж сказать о Париже, где он чувствовал себя еще более оторванным от близких? С радостью вырвался бы он из этой «золотой клетки», чтобы улететь к родным полям Мазовии... Однако он понимал, что не время и мечтать об этом.

Шопен ведет переговоры с издателями, предлагает им серию небольших фортепианных сочинений. Он написал несколько вальсов. Надо сказать, что

вальс в те времена был самым распространенным танцем. Его предшественник, медленный народный танец, появился в конце восемнадцатого века. В следующем столетии ни один бал не обходился без вальса. Каждая страна придавала ему свои национальные черты. Вальс в русском искусстве это не только музыка к танцу, но и поэтическая картина. Как часто встречаются такие примеры в русской литературе: на фоне бала рисуется пленительный девичий образ. В мелодии вальса мы чувствуем и смутные сожаления и ту радость молодости, о которой Пушкин писал в стихах «Евгения Онегина»:

Однообразный и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькает за четой.

Русские композиторы придают вальсу значение художественной пьесы. То же и у Шопена. В каждом его вальсе свой образ: одна мелодия сверкает как поток светлого ручья, другая чуть-чуть грустна, третья легка и грациозна, а иногда в вальсе Шопена слышны и драматические нотки.

У Шопена нет «бесчувственных» мелодий. Они всегда живут, дышат, всегда о чем-нибудь говорят — и в вальсах, и в этюдах, и в мазурках, и в пьесах, которые называются ноктюрнами. Здесь музыкант предается вечерним грезам. Эти настрое-

ния так хорошо выражены в стихах русского поэта Тютчева:

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души...

Однако ноктюрны Шопена доказывают, что великий музыкант подходил к жизни с разных сторон, видел в ней светлое наряду с сумрачным и страстно взволнованное наряду со спокойным. Ведь, если послушать Второй ноктюрн,— его мелодия ласкает слух, как задушевная славянская песня. Здесь все сосредоточено на одном цельном чувстве. Сравните с Четвертым ноктюрном. Он тоже начинается певучей, спокойной мелодией. И вдруг сразу набегает шквал, всё тонет в грозных звучаниях. Но эта буря коротка, словно летняя гроза. Она уходит, и снова вступает в свои права выразительная, как живой рассказ, песня.

Песенная мелодия — «душа» ноктюрна. Она царит и в Пятом ноктюрне, принимая здесь оттенок мечтательности и благородства — это юность во всем расцвете. Поразительную картину нарастания чувств дает Седьмой ноктюрн. Сначала музыка печальна, потом становится все более беспокойной, звучит трагично. И вот яркий луч солнца заблистал в торжественных аккордах! Возвращается печальная мелодия — песня, но заканчивается вся пьеса не ноткой печали, а примирением.

Нельзя не упомянуть о Двенадцатом ноктюрне, картинном и образном. По характеру он напоминает баркароллу, песню итальянских лодочников. Слушаешь этот ноктюрн, и представляешь себе колышущуюся лодку, лунный свет за кормой, и человеческий голос, выводящий мелодию любовной песни.

ГОЛОС РОДИНЫ

Не проходило дня, чтобы Шопен не вспоминал о покинутом им отечестве. Вернее сказать, это было не воспоминание, а неотступная дума — что́ там теперь в Польше, как живут дорогие ему люди? Отец писал рассудительные письма, вникая во все подробности. Не слишком ли утомляет Фридерика вся эта шумная парижская жизнь? Достаточно ли тепло в квартире (ведь трудно музыканту, если пальцы зябнут)? Как подвигается работа? Пусть он пришлет в Варшаву свои новые напечатанные произведения, это доставит такую радость всем домашним. Сестра Людвика и Эльснер снова напоминали ему, что он должен приняться за сочинение поль-

ской оперы. Такого же мнения придерживался и композитор Кароль Курпинский.

Фридерик прислушивался к этим советам и даже был занят одно время поисками подходящей темы для оперного произведения. Но в конце-концов он решительно отказался от намерения написать оперу. «Оставьте мне мое фортепиано!» — так говорил Шопен. И его фортепианная музыка оказалась подлинно народной по духу. Шопен во многом сходен с великим русским музыкантом Михаилом Ивановичем Глинкой. Оба они с детства впитали в себя напевы родной страны; а впоследствии, сочиняя музыку, оба говорили на своем родном языке, до тонкостей понимая и чувствуя характер народной музыки и верно передавая этот характер в своих сочинениях.

Дни юности, которые провел Шопен в Варшаве и Шафарне, оставили неизгладимый след в его памяти. Самые яркие воспоминания были связаны с польской народной песней, а еще больше — с народным танцем. Надо заметить, что танец очень распространен в Польше. Каждая область страны имеет свой танец. Народный мазур (отсюда русское название мазурка) составляет гордость жителей Мазовии, к которым относятся и варшавяне. В области Куявии родился танец куявяк и веселый оберек. Оба эти танца похожи на мазур, но у каждого есть свои особенности. Мазур—это не только веселая

народная пляска. Это частица национальной жизни народа. В конце XVIII века в польских легионах была сложена песня «Еще Польша не погибла», по характеру напоминавшая мазурку. В честь польского генерала Генриха Домбровского, участника освободительного движения, эта песня получила название «Мазурки Домбровского». Она стала национальным гимном Польши, и этот гимн Свободы и поныне звучит над землей демократической польской республики.

От старого Кракова ведет свое происхождение танец краковяк. В далекие времена это был военный танец мужчин, но постепенно он стал всеобщим жизнерадостным танцем, которым увлекаются и мужчины, и женщины, и подростки. На старинных гравюрах можно увидеть сцену, взятую из народной жизни: под открытым небом, возле простой деревенской хижины парень, гордо подбоченясь, ведет девушку в лихом краковяке.

Что же сказать о полонезе, древнейшем танце Польши? Первоначально это был крестьянский танец, скорее напоминавший медленное шествие. Он исполнялся на сельских вечеринках или на праздниках урожая. Постепенно он проник в среду дворян, аристократов, стал пышным придворным танцем. Именно с этой пышностью и торжественной величавостью обычно связывается представление о полонезах. Под звуки полонеза открывался бал в доме

знатного вельможи. Хозяин дома вел в первой паре самую почетную гостью, за ними следовала длинная вереница других пар. Красочные национальные костюмы из атласа и бархата, сверкание золотого оружия и драгоценных камней, движение кавалеров и дам, полное горделивого достоинства — это был полонез старой рыцарской Польши.

Музыка полонезов, подобно музыке мазурок, часто напоминала об исторических событиях в жизни польского народа. После неудачного восстания Тадеуша Костюшки появился полонез, названный именем этого национального героя. В печальной мелодии полонеза Костюшки выражена скорбь о павших борцах за национальную свободу.

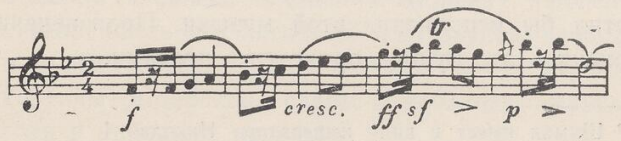
Со временем композиторы стали сочинять полонезы не только для балов, но и в виде парадных гимнов и концертных пьес. Польский музыкант Иосиф Козловский долгие годы прожил в Петербурге, и его полонезы приобрели известность в России. Вот только один пример, взятый из повести Пушкина «Дубровский». Герой повести, помещик Кирила Петрович Троекуров в минуту душевного волнения насвистывает мелодию «Гром победы раздавайся». Это — один из самых известных в те времена полонезов Козловского.

Ученик Козловского, Михаил Огинский был в Польше автором многочисленных и любимых полонезов. Можно назвать еще несколько польских композиторов, писавших полонезы. Но насколько Шопен превзошел всех их!

В письме к товарищу Шопен писал однажды: «Ты знаешь, как я стремился почувствовать нашу народную музыку и отчасти достиг этого...» Тут, в коротких словах,— весь Шопен, все его стремления к правдивому народному искусству. Он взял у народной танцовальной музыки ее характерные интонации и ритмы и создал самостоятельные художественные произведения — мазурки и полонезы.

Шопен называл свои мазурки по-польски «обрàзками», то-есть картинками. Разнообразные чувства и переживания высказаны композитором в этих небольших пьесах. Некоторые мазурки Шопена похожи на те жизнерадостные танцы — мазур, куявяк и обе́рек,— которые он помнил с детства. Здесь, в Париже он переносился в обстановку крестьянской гулянки, ему казалось, что он снова слышит игру деревенского скрипача. Эти мазурки Шопен посылал в Варшаву как привет родине.

Сестра Изабелла писала, что на балу у Замойских в течение всего вечера исполняли его мазурку:



Ее находят очень удобной для танца. Предназначена ли она специально для этой цели? Нет, Фридерик не думал об этом. Просто ему хотелось нарисовать живую картинку из жизни народа. Таких мазурок много у Шопена. Но есть у него и другие мазурки. Они передают настроение человека, любящего природу, тоскующего по родному краю. Мелодии этих мазурок полны грусти. Но и сюда вдруг врываются звуки деревенской волынки, как напоминание о веселом, беззаботном танце.

Трудно рассказать словами, сколько различных чувств выражено в мазурках Шопена. Тут и гордость, и нежность, и печаль, и вспыхнувшая надежда, и радость, и снова грустные размышления, и снова прилив энергии и силы. Во многих мазурках звучит голос Польши, придавленной самодержавием, но не желающей расставаться с мыслью о свободе. Значит, мазурки Шопена — не только красивые пьесы; они поддерживали на чужбине боевой дух польских патриотов. Недаром Роберт Шуман писал о Шопене: «Если бы могучий повелитель Севера [1] знал, какой опасный враг угрожает ему в произведениях Шопена, в столь простых мелодиях мазурок, он запретил бы исполнение этой музыки. Произведения Шопена — это пушки, прикрытые цветами...»

[1] Шуман имеет в виду императора Николая I.

Если мы называем мазурки Шопена поэтическими картинами, то каждый его полонез мы вправе назвать большой национальной поэмой. Первым полонезом, написанным в детстве, начинается путь композитора. В этом произведении Шопена сохранены форма и содержание народного полонеза — его ритм и воинственный характер. В 1826 году юный Шопен посвятил своему другу Вильгельму Кольбергу полонез «Прощание»: в полонезе была использована мелодия из оперы Россини «Сорока-воровка». Оба друга, перед отъездом на каникулы, слушали эту оперу в варшавском театре. Несколько полонезов с характерными звучаниями «польского танца» написаны Шопеном в числе юношеских работ.

Однако подлинный свой облик национальной музыкальной драмы, глубоко прочувствованной и содержательной, полонезы Шопена принимают после скорбного 1831 года. Теперь в музыку проникают отголоски трагедии, пережитой отечеством. Полонез становится печальным и героическим повествованием о Польше. Первыми такими произведениями явились два полонеза (они помечены двадцать шестым номером в списке сочинений Шопена). Шопен выступает здесь как истинный поэт звуков, изображая и мужественную борьбу Польши и ее страдания, картины рыцарской славы и доблести, народного горя и народных надежд.

Еще два полонеза (сочинение сороковое). Первый радостен, торжественно звучат в нем фанфары в честь победителей. А рядом — второй полонез. На фоне мерных аккордов вырисовывается суровая, печальная мелодия — дума о павших героях. Это скорбит Польша, отдавшая лучших своих сынов в сражениях за свободу.

Полон величавых образов большой героический полонез, один из самых известных (сочинение сорок четвертое). Огромное впечатление произвел он на Франца Листа, оставившего нам поэтическое описание этого полонеза:

«Основной мотив неистов, зловещ, как час, предшествующий урагану; слышатся как бы возгласы отчаяния, вызов, брошенный всем стихиям». Звуки музыки напоминают «канонаду завязавшегося вдали сражения». Но вот слышны новые настойчивые ритмы. И вслед затем с изящной простотой звучит напев сельской мазурки. Так боец в передышке между двумя сражениями думает о родной земле, предается сердечным воспоминаниям. За ними снова возвращаются картины битвы, говорящие о силе и мужестве героев.

И еще один есть полонез у Шопена, вызывающий в представлении мужественные и гордые образы (это сочинение пятьдесят третье; его мы часто слушаем в исполнении пианистов). Кажется, будто различаешь звон мечей, топот всадников и тяжелый

шаг вооруженных колонн... Здесь те же, свойственные Шопену, чувства патриота, для которого нет ничего дороже Родины.

ВСТРЕЧИ

Шопен стал одним из самых известных людей в Париже. Он выступал в концертах вместе с Францем Листом и Берлиозом. Его друзья — видные музыканты, художники, писатели и поэты. В кругу артистов и в богатых салонах он принят как желанный гость.

Шопен — в центре внимания, ему готовы подражать во всем, даже в покрое платья. Однако Шопен не собирался служить примером для парижских франтов. При всей своей любви к изяществу, он вовсе не был щеголем. С какой насмешкой и негодованием отзывался он о польском пианисте Совинском, у которого ничего не было за душой, кроме роскошных галстуков! Этот Совинский, живший в Париже, был

просто невыносим. Придет к Шопену, усядется за рояль и давай колотить по клавишам. Он брал мотивы польских песен и обрабатывал их в совершенно кабацком духе. Шопен приходил в бешенство и не раз порывался выставить Совинского за дверь. Но надо было сдерживать себя. Не хотелось наносить обиду соотечественнику.

Разгром варшавского восстания вынудил многих поляков покинуть родную страну. Они поселились в Париже. Шопен бывал у князей Чарторыских, тесная дружба связывала его с графиней Дельфиной Потоцкой. Встречался он со многими семействами польской знати. Но он никогда не преклонялся перед знатностью и богатством. По условиям того времени, аристократический салон был местом, где артист приобретал известность как исполнитель и педагог, а педагогическая и исполнительская деятельность была для Шопена единственным средством к существованию. К тому же общество соотечественников напоминало ему о Польше, горячо и беззаветно любимой.

Искренно обрадовался он, когда в Париж приехал товарищ по варшавскому лицею Ян Матушинский. Этот молодой врач служил в польской армии во время восстания, а сейчас назначен был профессором медицинской школы в Париже. Они поселились вместе в квартире Шопена на улице Шоссе д'Антэн. Жили душа в душу, проводя дни в

работе, а вечера — в беседах и развлечениях. Матушинский нашел Фридерика возмужавшим, окрепшим и писал о нем успокоительные письма в Варшаву.

Однако Матушинский не мог ему заменить близких, оставленных на родине. О возвращении домой пока нельзя было и думать: молодой патриот слишком открыто сочувствовал борьбе за свободу и независимость Польши. Но почему бы Шопену не повидать родных где-нибудь за границей? Кстати, он узнал, что отец и мать собираются летом на курорт Карлсбад (теперь — Карлови Вари). Он тоже нагрянет туда без предупреждения и... Но ему самому было трудно представить себе, как произойдет свидание.

И вот она настала, эта радость встречи. Шопен в Карлсбаде. Он не один, с ним отец и мать. Неужели он опять среди своих, как будто не было ни Парижа, ни всего пережитого за эти годы!

Шопен обращется с восторженным письмом к сестрам Людвике и Изабелле, оставшимся в Варшаве:

«Наша радость неописуема. Мы только и делаем, что обнимаемся... Вместе выходим, ведем мамочку под руку, говорим о вас, подражаем ворчунам племянникам, расказываем друг другу, как часто думали один о другом. Вместе пьем и едим, и ласкаем друг друга, и ворчим друг на друга. Я на верши-

не блаженства. Те же привычки, те же движения, среди которых я вырос, та же рука, которую я так давно не целовал... Вот оно осуществилось это счастье, счастье и счастье!..»

Мать не отрывает глаз от Фрицка. Здоров ли он? Несколько лет назад Шопены перенесли тяжелое горе: умерла от туберкулеза младшая дочь Эмилия. С той поры Юстине Шопен приходят в голову тревожные думы о Фрицке. Ей кажется, что в большом и беспокойном Париже опасности на каждом шагу угрожают ее сыну. Работает он много, поздно ложится спать, нет за ним настоящего ухода — долго ли заболеть... Фрицек смеется, говорит, что никогда не чувствовал себя таким здоровым и крепким.

Но и эти дни радости пролетели. Провожая родителей, Шопен всеми силами старался не показать виду, как тяжело для него это новое расставание.

На пути в Париж Шопен остановился в старинном немецком городе Дрездене. Как-раз в то время здесь жила богатая польская семья Водзинских. Шопен помнил их с детства. Сыновья Водзинские были его товарищами по лицею и жили в пансионе Николая Шопена. Тогда маленькой дочке Водзинских Марысе было шесть лет. Теперь Шопен увидел стройную темноглазую Марию во всей красе юности. Она была художницей, любила музыку. Молодые люди подружились, и вскоре дружба перешла в более нежное чувство привязанности. Уезжая из Дрездена, Шопен сочинил в честь Марии вальс — и до сих пор хорошо нам знакома эта изящная пьеса.

Шопен получал письма от Водзинских. Мария обещала стать его женой. Но этому обещанию не суждено было осуществиться. Родные Марии не согласились выдать ее замуж за Фридерика, хотя и принимали его в семье ласково, как сына. Правда, Шопеном гордилась вся Польша, но он был мало обеспеченным человеком и не имел громких титулов. Тут и обнаружилась глухая стена, которой богачи-дворяне отделяли себя от всего остального общества. Письма от Марии приходили все реже и, наконец, прекратились вовсе. Фридерик понял, что не может больше рассчитывать на ее дружбу и любовь. Конверт с письмами и увядшей розой, полученной в подарок от Водзинской,— вот все, что осталось на память о Марии.

Еще более одинокой и холодной показалась ему жизнь в Париже. Вдобавок и со здоровьем дело обстояло не так уж хорошо. Фридерик говорил матери неправду, стараясь не огорчать ее. После одной сильной простуды кашель и приступы слабости стали появляться довольно часто. Иногда он чувствовал себя настолько утомленным, что с трудом одевался, отправляясь в польский клуб или к знакомым. По-

ка он был на людях, удавалось владеть собой. Когда же оставался один, то трудно было отделаться от грустных дум. И вдруг он вспоминал строчки письма, полученного накануне польского восстания от поэта Витвицкого:

«Говорят, ты там скучаешь и тоскуешь. Вхожу в твое положение: ни один поляк не может быть спокойным теперь, когда дело касается жизни или смерти родины. Тебе необходимо всегда помнить, дорогой друг, что ты уехал не для того, чтобы тосковать, а чтобы усовершенствоваться в искусстве и стать утешением и славой семьи и отчизны».

Ради этого сто́ило жить и всеми силами добиваться намеченной цели.

В ГОСТЯХ У ШОПЕНА

Коляска Шопена сворачивает на большие бульвары. День выдался на славу — ясный, чуть-чуть морозный. Сегодня много дел. Нужно заехать к фабриканту роялей Плейелю посмотреть новый инструмент. Оттуда — к портному. Затем к Дельфине

Потоцкой. Дома будут ждать три ученицы. Еще нужно проверить рукописи полонеза и двух ноктюрнов и отправить их в издательство. Вечером обещали притти кое-кто из друзей. Особенно хотелось повидать близкого друга-поляка Альберта Гжималу. С утра Шопен отправил ему записку:

«Милый мой, я забыл вчера тебе сказать, что нынче, во вторник, в 9 часов вечера я у себя музицирую. Пожалуйста, приходи непременно, если хочешь, чтобы мне было хорошо.

Твой старый Ф. Ш.»

Несмотря на усталость, Шопен был в тот вечер очень рад гостям. Он обладал удивительной способностью привлекать к себе людей, совершенно разных по характеру. Вот они собрались в гостиной Шопена: горячий по натуре Лист, молчаливый композитор Мейербер, остроумный и насмешливый поэт Генрих Гейне, добродушный Гжимала. Все они преклоняются перед Шопеном, считают его и обаятельным человеком и гениальным музыкантом. В этом кружке часто поднимаются споры о политике и об искусстве. И тогда Лист становится центром внимания. Все прислушиваются к его словам. Он говорит, что музыка служит лишь забавой для знатного общества. В салонах богачей только для вида проявляют интерес к музыкальному искусству, а в сущности говоря, никто там не понимает музыки. Настоящий

музыкант в обществе аристократов и купцов принужден влачить жалкое существование.

Шопен почти не принимал участия в таких разговорах. Но он не был замкнутым, оторванным от жизни человеком, каким часто описывали его в книгах. Он видел, как несправедливо устроена жизнь, но не знал, какими силами можно уничтожить этот несправедливый порядок. Все, что он переживал и глубоко чувствовал, высказывалось им в музыкальных произведениях.

Шопен редко выступал в публичных концертах. Он говорил Листу: «Большая толпа стесняет меня: это ваш удел. Если вам не удастся пленить вашу публику, у вас всегда найдется чем поразить ее». Но сейчас, у себя дома, Шопен готов играть часами, незачем и упрашивать его.

Он начинает с мазурок и ноктюрнов, только что написанных. Затем переходит к этюдам. Недавно им закончена вторая тетрадь этюдов и сейчас он знакомит гостей с новыми пьесами. На фоне нежно журчащих переливов вырисовывается полнозвучная мелодия. Ощущением молодости и живой природы проникнута эта изящная и содержательна пьеса. Второй этюд Шопен называл портретом Марии Волзинской. И действительно, быстрые движения капризной мелодии невольно вызывают в воображении хрупкий девичий образ. Много других образов и картин проходят перед слушателями

в этюдах Шопена. Энергичные скачки аккордов, легкие движения октав или игра тонких мелодических узоров — во всем этом раскрывается чувство и настроение человека. Прислушайтесь: неумолчно звучит трель колокольчика и мелодия рассказывает о думах путника. Кажется, будто кибитка мчится вдаль и нет конца-краю однообразной заснеженной равнине... Другой этюд начинается ясной, простой темой, а после короткого вступления сразу раскрывается бурная драматическая сцена. Так же драматична музыка последнего этюда: вскипают волны разъяренного моря, безостановочным движением нагромождаясь одна на другую.

Легко понять, какое впечатление оставляли у слушателей эти пьесы в исполнении самого Шопена. Как мало его игра была похожа на игру некоторых парижских виртуозов, холодную и трескучую как фейерверк. Послушаем, что говорит о Шопене его современник и друг, пианист Фердинанд Гиллер: «Так никто и никогда к клавишам не прикасался, в таких бесчисленных оттенках никто и никогда не извлекал из них звуков. То, что у других было изящным украшением, у него становилось роскошным цветком; что было у других технической беглостью, у него уподоблялось полету ласточки...» Но не только воздушной легкостью, а и мужественной силой отличалось искусство великого пианиста. Эта сила не была грубой и оглушающей. Его небольшая ру-

ка с очень развитыми пальцами преодолевала любые трудности исполнения. Он в совершенстве владел разнообразными приемами фортепианной игры, тайна которых и до сих пор не до конца разгадана музыкантами...

Вернемся в гостиную Шопена. Он играет героический этюд, написанный после разгрома польского восстания. Теперь уже не задушевность, а чувство гнева передает он в свой игре. Но разве один этот этюд связан с событиями в Варшаве? Пусть гости послушают еще одно произведение. Композитор дал ему название Скерцо. Форма Скерцо (в переводе на русский язык это означает «шутка») существовала и раньше, до Шопена. Скерцо было частью сонаты или симфонии. У Шопена Скерцо превратилось в самостоятельную пьесу, и притом не шутливого, а драматического характера.

Два резких аккорда, два сигнала — так начинается первое Скерцо Шопена. Затем в тревожных звучаниях передается состояние душевной взволнованности. Смятение и тревога выражены в этой музыкальной драме. Героем повествования является сама Польша, восставшая против угнетения и бесправия. В середине Скерцо музыка становится спокойной и певучей: это мелодия старинной польской обрядовой песни — «колядки». Она напоминает о далеких днях юности, проведенных в кругу близких, у домашнего очага.

Еще одна мазурка. Еще один полонез. Так можно слушать без конца. Однако уже поздно. Надо пощадить силы Шопена. Гости прощаются. Завтра снова предстоит день трудов и забот.

ДВА ИЗГНАННИКА

В кругу польских патриотов Шопен сблизился с известным поэтом Адамом Мицкевичем. Их объединила любовь к родной земле и родному национальному искусству.

Адам Мицкевич окончил Виленский университет и стал учителем. Однако настоящим его призванием была поэзия. Уже в юношеских стихотворениях он высказывал свободолюбивые чувства. Его «Ода к юности» заканчивается словами:

Привет тебе, заря освобожденья,
Вслед за тобою — солнце избавленья!

За участие в тайных кружках, боровшихся против царской власти, Мицкевич был удален из Польши. Ему приказано было жить в России. В Москве и

Петербурге он познакомился с передовыми деятелями русской литературы. Среди его друзей были поэты Пушкин, Жуковский и Вяземский. Любовь к Пушкину, преклонение перед ним сохранилось у Мицкевича до конца жизни.

Получив разрешение уехать из России, Мицкевич поселился за границей. Много лет провел он в Париже. Здесь польские эмигранты чествовали его, провозгласили «поэтом — вождем своего народа». Во Франции Мицкевич написал одно из крупнейших своих произведений — поэму «Пан Тадеуш», историю из жизни дворян в старой Литве. Ребенком он слушал рассказы крепостного слуги Власия о давних временах. Многие из этих рассказов отразились в поэме Мицкевича с ее описаниями сельского поместья, глухих лесов и охоты на медведя.

Когда Мицкевич писал «Пана Тадеуша», у него на квартире часто собирались польские эмигранты. Среди них был Фридерик Шопен. И всякий раз говорили о родине, пели польские народные песни. Мицкевич читал отрывки из своей поэмы, и все присутствующие, вместе с поэтом, мысленно переносились

К лесам задумчивым, к родным лугам зеленым,
Над синим Неманом раскинутым по склонам;
К пшенице яровой, на золото похожей,
К полям, расцвеченным серебряною рожью,
Где желтый курослеп цветет в гречихе белой
И клевер покраснел, как юноша несмелый...

Некоторые поэмы Мицкевича написаны в форме баллад. Так назывались в старину песни, основанные на народных преданиях и легендах. В балладах воспевались юные рыцари, прекрасные девы и мудрые старцы, самоотверженная любовь и воинская доблесть защитников родины.

Поэмы и баллады Мицкевича носят прежде всего народный патриотический характер. Этим отличаются и фортепианные баллады Шопена. Некоторые из его баллад написаны под впечатлением стихов Мицкевича, хотя Шопен и не стремился передать в точности содержание поэтического текста. Он рисовал в музыке не самые картины природы, а чувства человека, навеянные этими картинами.

Шопен бывал очень недоволен, если кто-нибудь из слушателей говорил о его музыке: «это шелест листвы», или: «это переливы журчащей воды». Своего парижского издателя Весселя он называл остолопом и плутом.

Выпуская в свет произведения Шопена, Вессель попросту придумывал к ним свои собственные заголовки. Таким путем он хотел привлечь внимание покупателей. Первое Рондо у него называлось «Прощание с Варшавой». Ряд ноктюрнов получил названия: «Плач и утешение», «Вздохи», «Журчание Сены»; первое Скерцо превратилось в «Адское пиршество»... А Шопен и вовсе не думал о таких названиях.

Подобно многим полонезам и скерцо, его баллады представляют собой большие музыкальные драмы. Здесь нежные лирические чувства и героический порыв борются между собой, как это часто бывает у Шопена. Вот звучит задушевная мелодия. Человек мечтает о любви и дружбе, ему кажется, что счастье еще возможно. Вот звучат другие мотивы: беспокойство, тревога. Приближается буря. Но это не только буря в природе, это буря народной борьбы за свободу. Не об этом ли говорится в стихах Мицкевича:

Минула осень. Зимние метели.
Дороги заметают груды снега;
То ль по небу сполохи пролетели,
То ль вновь к границе близятся набеги?

Потому и полюбил Шопен поэзию Мицкевича, что она каждым словом напоминала ему о прекрасной земле родины и о ее национальных героях. Сколько раз оба они — и поэт и музыкант — проливали слезы при звуках родной музыки.

ЗИМА НА МАЙОРКЕ

К концу 1836 года Шопен познакомился с французской писательницей Жорж Санд. В то время она была уже автором нескольких романов и повестей. Жорж Санд принадлежала к числу писателей, высказывавших свободные демократические взгляды и убеждения. В своих произведениях она выражала сочувствие к страдающим людям, говорила, что необходимо изменить жестокие условия человеческого существования. Особенно резко восставала она против бесправного положения женщины в буржуазном обществе. Правда, Жорж Санд, как и ее друзья и единомышленники, не знала, каким образом сумеет человек сбросить с себя ярмо рабства. Ее увлекающаяся натура отличалась непостоянством, ее идеалы носили отвлеченный характер. И все же многие вопросы, которые она затрагивала в своих книгах, привлекали к ней внимание.

По словам поэта Генриха Гейне, произведения Жорж Санд пожаром разлились по всему свету. Ее романами зачитывались не только во Франции, но и за границей. Впоследствии романы Жорж Санд получили высокую оценку со стороны великих русских критиков и писателей Белинского, Чернышевского, Тургенева, Достоевского.

Большую часть года Жорж Санд проводила в своем имении Ноган, много работая и воспитывая

двух детей — мальчика Мориса и девочку Соланж. В Париж она приезжала только по делам.

При первой встрече Жорж Санд произвела на Шопена довольно неприятное впечатление. Всем своим обликом она резко отличалась от молодых девушек и женщин, которых знал до той поры Шопен. Но со временем Шопен нашел в Жорж Санд близкого друга. Это была последняя радость, которую доставила ему жизнь.

Между тем, перенесенные страдания не прошли без следа. Здоровье Шопена внушало Жорж Санд серьезные опасения. Хворал и сын Морис. По совету доктора Гобе́ра обоим следовало провести несколько месяцев на юге. Так зародился план поездки к Средиземному морю, поближе к солнцу. Они выбрали романтический уголок — остров Майорку, принадлежавший Испании.

В октябре 1838 года Жорж Санд с детьми и Шопен покинули Париж. В южном порту Франции их встретило горячее солнце. Предстоял переезд по морю до Барселоны. Впоследствии Жорж Санд ярко описала свои впечатления от поездки:

«Все спало на корабле, кроме кормчего, который всю ночь пел, чтобы не подвергнуть себя опасности тоже уснуть. Но он пел так тихо и осторожно, будто боялся разбудить матросов или сам был в полусне. Мы без устали слушали его... Это было скорее

мечтание вслух, чем песня; нечто вроде пропетых неясных грез».

Они приехали в город Пальму на Майорке. Больших трудов стоило им найти место для жилья. Из-за отсутствия другого помещения пришлось поселиться в деревенском домике, называвшемся «Домом ветра». Смысл этого названия открылся позже. А пока все кажется прекрасным — солнце, невиданные краски природы и даже этот живописный домик. Просто не верится, что в Париже сейчас туманы, осенняя слякоть. Надо поделиться своими впечатлениями с верным другом Юлианом Фонтаной. Фридерик садится за письмо:

«Мой милый!

Я в Пальме, среди пальм, кедров, кактусов, оливок, апельсинов, лимонов, алоэ, фиг, гранатов... Небо — как бирюза, море — как лазурь, горы — как смарагды, воздух — как на небе. Днем солнце, жарко, все ходят в летнем. Ночью — гитары и пенье по целым часам. Огромные балконы с виноградными лозами над головой... Нахожусь вблизи самого прекрасного. Сам стал лучше...»

Шопен и юный Морис забыли о своих болезнях. Вряд ли кто-нибудь из парижан узнал бы теперь Шопена, загорелого, в широкополой шляпе, совершающего прогулки верхом на ослике или пешком в

окрестностях Пальмы. Все шло отлично. Беда в том, что зимой на Майорке проходят дожди и ветры. Вот тут и показал себя «Дом ветра»! После первого ливня он до того размок, что жильцы не знали, куда деваться от сырости.

Шопен слег в постель. На время пришлось отложить работу над сборником прелюдий — фортепианных пьес, обещанных издателю Плейелю.

Хозяин «Дома ветра» и окрестные жители отнеслись к больному Шопену как к зачумленному. Фридерик со всей семьей должен был немедленно покинуть злополучную «виллу». Им предложили несколько комнат в монастыре Вальдемоза. За два года до этого там жили монахи, а сейчас старинное здание было почти необитаемым. Кельи сдавались в наем на летние месяцы. Редко кому приходило в голову остаться на зиму в этом мрачном жилище. Монастырь был расположен высоко в горах. Террасами спускались к морю зеленые леса, цветники и виноградники. Дорога к монастырю шла извилистыми тропинками, сквозь заросли дуба, кипариса и маслины. На повороте вдруг вырастал маленький арабский домик или пальма, уходящая в небо. Как здесь красиво! Но попробуйте попасть в монастырь после проливного дождя, по размытой дороге...

Итак, наши друзья поселились в монастыре. Большая часть забот легла на плечи Жорж Санд.

Нельзя же было серьезно рассчитывать на Марию-Антонию, помогавшую по хозяйству. Испанка Мария-Антония представляла собой сочетание набожности и плутовства. Она готовила обед, беспрерывно пела при этом молитвы, умудряясь в то же время хватать самые лакомые кусочки из всех кастрюль.

За ней нужен был присмотр. Кроме того Жорж Санд занималась с детьми, а по ночам писала новый роман.

В галерее вокруг кельи свистит ветер. Слышны крики морских птиц. Туман опускается густой белой пеленой. Иногда бывает так, что без фонаря не пройдешь из одного конца коридора в другой. Такая романтическая обстановка нравилась детям — Морису и Соланж, но на Шопене отражалась порой болезненно.

После долгих ожиданий прибыл рояль, высланный Плейелем из Парижа. Под монастырскими сводами зазвучала музыка Шопена. Инструмент доставлял ему радость, словно свидание с дорогим существом. Шопен готов был даже ревновать рояль к Соланж, когда девочка принималась повторять урок музыки.

Он заканчивает работу над сборником фортепианных прелюдий. Эти двадцать четыре короткие пьесы создавались на протяжении многих лет, начиная с памятного 1831 года. Напрасно стали бы мы

описывать точное содержание каждой прелюдии. Но несомненно, что в основе этих маленьких и так много выражающих пьес лежат глубокие человеческие переживания. Они—своеобразный «лирический дневник» композитора. Бывали у Шопена дни, когда жизнь представлялась радостной, полной надежд. В такие дни написаны первая, третья, девятнадцатая, двадцать первая прелюдия. Бывали другие настроения, когда все вокруг казалось печальным и скорбным. И эти чувства глубоко и сильно высказаны Шопеном во второй, четвертой, шестой прелюдиях.

Шопен умел в небольшой пьесе сказать очень много. Здесь лирическая песня, изящный танец и погребальное шествие, рассказ о бурных трагических чувствах, захватывающих как грозный шквал. Такие бурные звучания слышны в последней прелюдии. Она написана композитором в те же годы варшавского восстания, что и знаменитый героический этюд. Оба произведения напоминают о борьбе Польши за свободу и оба звучат грозно и величественно.

Сохранилось много рассказов о произведениях Шопена. Жорж Санд описывает в книге «История моей жизни», как она ушла однажды с Морисом из дому, оставив Шопена в одиночестве. Разыгралась гроза, и только поздней ночью удалось промокшим путникам вернуться в монастырь. Они застали Шопена в состоянии крайнего волнения. Он только что сочинил прелюдию, в которой запечатлел картину грозы и чувство страха за близких. Неизвестно, точно ли так это произошло в действительности, но здесь подмечена живая черточка в характере Шопена — его острая впечатлительность.

Шопен написал на Майорке только одну новую мазурку. Несколько других произведений — прелюдии, Вторая баллада, два полонеза, скерцо — получили здесь окончательную отделку.

Созданная на Майорке мазурка получила название «пальмской». Вместе с нею Шопен уносился от берегов Средиземного моря к желанным берегам Вислы.

НА ВЕРШИНЕ

С наступлением весны Шопен и Жорж Санд вернулись во Францию. Они провели некоторое время в Марселе, затем отправились в Ноган, именье Жорж Санд. О поездке в Париж нечего было и думать. Истощенный болезнью Шопен нуждался в отдыхе.

Дом Жорж Санд был окружен парком со старыми липами и лужайками цветов. Вблизи протекала река Эндр. Кругом — заросли орешника, густая, пахучая трава. Вот бы броситься сюда, вдыхать этот чудесный запах! Это так похоже на далекое детство. Шопену казалось, что он видит Желязову Волю и дом в парке, и такие же грядки фиалок и резеды, и речку Утрату с отражениями тополей в тихой заводи... Но тогда было время беззаботного счастья. А сейчас, в тридцать лет, он уже перенес столько жестоких ударов, и главный среди них — трагедию отчизны. Шопен старается всегда быть сдержанным, ничего не показать окружающим. Однако музыка Шопена, пылающая огнем, позволяет заглянуть в душу человека, узнать его думы и пережить его чувства.

Вскоре после приезда в Ноган Шопен заканчивает Вторую фортепианную сонату. Первая соната написана им в школьные годы. Тогда он только познакомился с формой сонаты, изучая творчество великих музыкантов Баха, Гайдна, Моцарта, Бетховена. Сейчас, во Второй сонате, Шопен выступает как мудрый мастер.

Никогда он не создавал более трагического произведения. С самого начала музыка сонаты звучит очень тревожно. Композитор рассказывает о горестной судьбе отечества. Полна взволнованности пер-

вая тема сонаты. Потом наступает успокоение. Мы слышим красивую, будто озаренную светом мелодию. Так борются два чувства, трагическое и светлое. И такие же противоположные чувства заполняют музыку второй части — Скерцо. Тут есть и фантастические и мечтательные образы. Третья часть получила название «Похоронного марша». Эта гениальная музыка проникнута скорбью об утраченной родине. Вслед за маршем идет короткая заключительная часть.

Выдающийся русский критик Владимир Стасов подчеркивает, что музыка сонаты (и особенно последние две части) связана с определенными образами. Вот как пишет об этом Стасов: «Знаменитый в целом мире «Похоронный марш» этой сонаты, совершенно единственный в своем роде, явно изображает шествие целого народа, убитого горем, при трагическом перезвоне колоколов; быть может, еще более необычайный по своей гениальности, самостоятельности и новизне, финал этой сонаты — точно так же изображает, совершенно явно для каждого человека, безотрадный свист и вой ветра над могилой погребённого. Все это точно столько же программно, как баллады Шопена, из которых одни имеют характер рыцарский, другие — сельский, пасторальный,— или как 2-е скерцо... или как большой полонез, где нарисован отряд скачущей конницы, война и звон и гром оружия...»

Несмотря на все несчастья — болезнь, разлука с близкими, страдания родины — Шопен ценит и любит жизнь со всеми ее заботами. Приближается осень, вскоре предстоит возвращение из Нохана в Париж. Шопен забрасывает письмами своих друзей Юлиана Фонтану и Альберта Гжималу. В каждом письме он просит подыскать квартиры для него и для Жорж Санд. Он вникает во все подробности: дом должен выходить окнами в сад или в тихую, спокойную улицу. Он даже рисует план квартиры, какую ему хотелось бы иметь. Вот тут должны быть расположены спальные комнаты, там столовая, салон, здесь рабочий кабинет. Он пишет, какими обоями следует оклеить стены и как расставить мебель. Словом, Шопен заботится об обстановке, в которой придется ему работать.

Такой порядок установился на несколько лет — зиму они проводили в Париже, лето—в Ногане. Парижская жизнь, как известно, накладывала на Шопена много обязанностей. С утра он «заводил мельницу» (так Шопен называл свои уроки!). Для сочинения музыки оставалось недостаточно времени. Зато летом в Ногане можно было и отдохнуть и вдоволь поработать над рукописями. Здесь Шопен отдыхал и душой и телом. Если позволяли силы, он совершал далекие прогулки вместе с Морисом и Соланж, либо смотрел крестьянские танцы на лужайке возле дома. Иногда Жорж Санд пела старые

французские песни под аккомпанемент местного музыканта, отлично игравшего на волынке.

Деревенская жизнь благоприятно подействовала на Шопена. Он посвежел, немного окреп. Бывали дни, когда в нем просыпалось мальчишеское озорство, как во времена Шафарни. Его бесподобный талант подражания приводил в восторг все ноганское общество. Вот он подходит к роялю, мгновенно меняет выражение лица, фигуру — и перед зрителями появляется живой Тальберг, пианист-виртуоз, или какая-нибудь другая парижская знаменитость. Шопен охотно участвовал в играх молодежи. И если затевались шарады, спектакли, никогда не обходилось без Шопена. В Ногане был театр марионеток. Трудно сказать, кто больше увлекался его спектаклями — юная Соланж или взрослый Фридерик.

У Жорж Санд было много друзей. Всегда кто-нибудь навещал ее в Ногане. Среди гостей выделялся человек, особенно привлекавший композитора. Это был художник Эжен Делакруа. Он превосходно понимал и чувствовал не только живопись, но и музыку. С ним можно было часами беседовать об искусстве. Портрет Шопена, написанный Эженом Делакруа, хранится теперь в парижском музее Лувр.

К Жорж Санд приезжала молодая певица Полина Виардо, впоследствии завоевавшая мировую известность. Ее чудесный голос сливался с тонкой иг-

рой Шопена, они вместе исполняли произведения старинной музыки. Полина Виардо провела два года в России, где она пела в оперном театре. Она рассказывала, что в Петербурге поставлена новая опера русского композитора Глинки «Руслан и Людмила»; что там же, в концертах с огромным успехом выступал Франц Лист и играл произведения Шопена. Сам Шопен вспоминал при этом, что и Адам Мицкевич много рассказывал ему о России.

Кстати, и Мицкевич приезжал в Ноган. Попрежнему он был внимательным слушателем музыки Шопена. Как-то раз произошел такой случай. Все сидели в гостиной. Мицкевич по обыкновению забился в угол со своей трубкой, весь отдавшись звукам фантазии Шопена. Вдруг вбегает испуганный слуга. В доме пожар! Конечно, все бросились к месту происшествия. Благодаря принятым мерам удалось сразу погасить огонь. А где же Мицкевич? Его ищут по всему дому, нигде не находят. Наконец, возвращаются в гостиную. Представьте себе, Мицкевич сидит на прежнем месте. Он ничего не замечает, ему кажется, что он продолжает слушать Шопена... Жорж Санд смеется. В следующий раз, если возникнет пожар, придется первым делом увести Мицкевича в самое безопасное место!

Эта маленькая история показывает, что музыка Шопена порой захватывала человека целиком, заставляя забывать обо всем окружающем. Шопен

достиг вершины музыкального творчества. Многие его произведения можно сравнить с нежными или пышными цветами или поэтическими картинами: это мазурки, ноктюрны, вальсы, «Баркаролла», «Колыбельная». Другие рассказывают нам о драматических чувствах и героических событиях — это сонаты, фантазия, баллады, полонезы. Но над каждым произведением он упорно трудился, тонко отделывая детали, заботясь о стройности и ясности. Он ни в чем не выносил неряшливости. И даже при такой кропотливой работе он успел за короткую жизнь написать около двухсот пьес.

Мало радости испытал Шопен в последние годы жизни. Умер отец, умер друг детства Ян Матушинский. Изменились к худшему отношения с Жорж Санд. Морис и Соланж выросли. Соланж до конца жизни Шопена относилась к нему с дружеским расположением. Морис же оказался грубым, своенравным человеком. Между ним и Шопеном происходили ссоры. Морис был так враждебно настроен, что Шопену пришлось прекратить поездки в Ноган. Это было в 1847 году. Шопен и Жорж Санд расстались окончательно.

Одинокий, больной Шопен доживает свои дни в Париже. В письмах к родным и в посещениях нескольких друзей находит он поддержку. Он попрежнему дружен с художником Делакруа, попрежнему ведет с ним увлекательные беседы. Как неправы

люди, утверждавшие, что Шопен проявлял интерес к одной только музыке! Он сообщает в Варшаву всевозможные новости из научного мира. Знаменитый французский астроном Леверрье открыл новую планету. Какое торжество для науки — вычислением притти к такому открытию! (это слова Шопена). Другой изобретатель предложил новый вид пороха. В Лондоне создан аппарат, воспроизводящий музыкальные арии... Обо всем надо написать домой.

Ему жилось очень тяжело, а он оставался таким же, как всегда: человеком ясного ума и широкого, отзывчивого сердца. «Скольким людям приходится хуже, чем мне. Правда, что многим и лучше, но о них я не думаю...»

ПОСЛЕДНЯЯ МАЗУРКА

В феврале 1848 года дом Плейеля готовился к концерту Фридерика Шопена. Плейель знал вкусы Шопена, он приказал поставить на эстраде самый лучший рояль, убрать цветами зал и всю входную лестницу. Пригласительные билеты опове-

щали, что концерт начнется ровно в восемь с половиной часов вечера.

В назначенный час у дома Плейеля протянулась вереница фиакров. Черные фраки мужчин и светлые, воздушные платья женщин, слова французской и польской речи, поклоны, приветствия...

Шопен вышел на эстраду. Все, кто знал его близко, не могли не заметить, как бледен он, какая резкая печать страданий лежит на его лице. Давно уже было известно, что страшная болезнь подтачивает его силы. Но трудно было примириться с мыслью, что не станет Шопена и навсегда умолкнут звуки шопеновского рояля.

В этом концерте Шопен, вместе с двумя другими музыкантами, сыграл трио Моцарта, своего любимого композитора. Для выступления он выбрал нетрудную программу, так как малейшее усилие причиняло ему боль. Он играл ноктюрн, «Баркаролу» и нежную, мечтательную «Колыбельную». Исполнив несколько прелюдий, он слегка провел рукой по клавишам, почти не прикасаясь к ним. Это была привычка — движением руки он как бы стирал только что рисовавшиеся картины. И вот новые картины возникают перед слушателями. Шопен играет свои мазурки, эти маленькие поэмы о родине, и в каждой мазурке бьется его гордое и тоскующее сердце... Почти неслышно прозвучало заключение последней пьесы.

Шопен уходил с эстрады, не видя взволнованных лиц, не слыша бури рукоплесканий и криков. В артистической комнате он почти лишился чувств. Потом в карете сидел, закрыв глаза, и не помнил, как очутился дома. Ночь прошла без сна. Шопен задыхался, мучительные приступы кашля не прекращались. Заботливый слуга принес несколько капель лекарства, прописанного доктором Моллэном. Это был единственный врач, которому Шопен хоть немного верил. Однако сейчас, после пережитых волнений, ничто не могло его успокоить. Ему так хотелось видеть родных людей возле себя.

Город жил в те дни тревожной жизнью. Рабочий люд Франции, доведенный до разорения, поднимался против ненавистного строя короля Людовика-Филиппа. На больших бульварах и на площади Согласия собирались группы людей и при свете факелов читали воззвания к народу, призывы свергнуть продажное правительство монархии. В юмористических журналах известный художник Домье помещал карикатуры на Людовика-Филиппа, называя его «последним королем французов».

Наконец, разразилась гроза. После кровопролитных уличных сражений королевская власть была объявлена низложенной и Франция провозглашена республикой. Толпа народа ворвалась в Тюильрийский дворец, но король успел скрыться. Тогда весь гнев народный обрушился на королевский трон —

его вытащили из дворца, приволокли на площадь Бастилии и здесь сожгли при громких криках одобрения многочисленной толпы.

События во Франции пробудили в Шопене новые надежды на освобождение Польши. Он знал и верил, что польский народ добьется своего. Шопен писал Юлиушу Фонтане вскоре после февральских боев в Париже: «Наши собираются в Познани. Чарторыский первый поехал туда, но бог ведает, какой оборот примет все это для возрождения Польши... Галицийские крестьяне подали пример волынским и подольским. Не обойдется это без страшных вещей, но в конце концов будет Польша, блестящая, мужественная,— словом, Польша. Итак, подождем, несмотря на наше нетерпение, чтобы карты хорошенько перемешались...» Но этим надеждам не суждено было оправдаться так скоро. В Польше пока все оставалось попрежнему.

Шопену пришлось призадуматься над тем, что делать дальше. В ближайшее время он не мог рассчитывать на достаточное количество уроков. Почти все его ученицы покинули Париж. Он никогда не умел делать сбережений. Денег, которыми он располагал, хватило бы на два — три месяца. А дальше ему угрожала нужда. На примере жизни Шопена можно лишний раз убедиться, сколько равнодушия проявляет буржуазное общество к судьбе артиста. Никому из окружавших богачей не пришло в голо-

ьу оказать великому композитору поддержку. Только одна из преданных учениц, Джейн Стирлинг, прислала ему приглашение в Лондон. В надежде поправить свои дела он решил откликнуться на это приглашение. Поездка в Англию дала Шопену новые почести, но сократила жизнь, отняв последние силы.

Чопорные вельможи Англии восхищаются его музыкой. Он с успехом играет в Лондоне, Манчестере, Эдинбурге. Он гостит в шотландском замке, где его окружают живописные горы, озера, великолепный парк. Однако все тонет в туманах, лишь изредка проглядывает солнце. Шопен пишет из Англии малоутешительные письма:

«Здесь уже с неделю отвратительно, а это мне совершенно не годится. При этом я ежедневно поздно вечером должен отправляться в свет. У меня нет сил для такой жизни. Если бы это мне давало хоть денег. Но до сих пор я имел только два платных вечера...

Эти англичане... все расценивают на фунты, искусство любят только потому, что это роскошь... Я понимаю, как самому можно здесь стать чернорабочим или превратиться в машину. Будь я помоложе, я может быть еще попробовал бы стать машиной: давал бы концерты во всех концах и углах и играл безвкуснейшие вещи (только бы за деньги!). Но теперь трудно уже обращаться в машину...»

Нет, он не останется здесь. Только бы вернуться в Париж, на привычное место, повидать старых друзей. «Еще день здесь дольше, и я сойду с ума...»

Шопен без сожалений расстается с Англией. Он ждет — не дождется отъезда. Просит в письме купить букет фиалок. «Пусть у меня будет хоть немножко поэзии, когда, вернувшись, я буду проходить через салон в спальню, где улягусь, вероятно, надолго...»

Он настолько слаб, что слуга на руках поднимает его по лестнице. Из окна квартиры виден весь Париж. Долгие часы проводит Шопен в кресле. Перед ним вереницей проходят воспоминания детства, годы юности, годы разлуки с Польшей. Вот письма отца, любимой сестры Людвики, подруги детских игр. А этот пакет, перевязанный лентой, с надписью: «мое несчастье» — это письма юной Марии Водзинской. Сколько писем друзей, веривших в него, глубоко убежденных в том, что он возвеличит польское искусство, что он станет гордостью славянской музыки. Вот эти строчки — письмо польского поэта Стефана Витвицкого:

«Я убежден, что славянская опера, призванная к жизни подлинным талантом композитора, полного чувств и мыслей, в один прекрасный день засверкает в музыкальном мире как новое солнце. Быть может, эта опера будет выше всех остальных. В ней будет столько же мелодий, как и в итальянской опе-

ре, но больше чувства и несравненно больше мысли. Всякий раз когда я думаю об этом, дорогой Фридерик, я утешаю себя доброй надеждой, что ты будешь первым, кто сумеет почерпнуть многое в обширных богатствах славянской мелодии... Ищи славянские народные напевы, подобно тому как минералог ищет камни и металлы в горах и долинах...»

Что ж, он не создал польской оперы. Но разве вся его музыка не была чудесной песнью славянства, разве хоть однажды свернул он с дороги национального искусства? Вот перед ним его творения. Здесь и вдохновенные лирические песни, и трагические повествования, и героические гимны,—и все они прославляют Польшу. Даже в скорби и печали он сохраняет стойкость духа, хотя все шире становится пропасть, отделяющая его от отчизны. «Играю все меньше и меньше. Писать ничего не могу... Я еле могу вспомнить, как поют на родине...» Иногда по вечерам он вполголоса напевает песни, написанные им на стихи польских поэтов. Друзья с волнением слушают эти песни-воспоминания.

Последнюю свою мазурку Шопен написал незадолго до кончины. В короткой мазурке Шопен шлет последний привет долинам родной Мазовии. И потому так грустна эта прощальная мелодия.

В ночь на семнадцатое октября 1849 года закончилась жизнь Фридерика Шопена, величайшего музыканта и преданного сына Польши.

Под звуки похоронного марша Шопена, в котором он оплакивал судьбу родины, его провожали в последний путь. На парижском кладбище Пер-Лашез его опустили в могилу. А урна с сердцем Шопена, как он желал, была перевезена в Польшу и помещена в одном из варшавских костелов.

В Варшаве, Желязовой Воле и Париже воздвигнуты памятники Шопену. Но самый высокий памятник ему — это его гениальная музыка и вся его пламенная жизнь патриота.

ГЕНИЙ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В один из ноябрьских дней 1849 года в Варшаве встретились два музыканта: Михаил Иванович Глинка, приехавший из Петербурга, и Кароль Курпинский, престарелый польский композитор. Разговор зашел о музыке, о Шопене. Вся Польша была тогда потрясена горестной вестью: в Париже семнадцатого октября скончался Шопен.

Курпинский рассказывал своему собеседнику о детстве и юности Фридерика Шопена. о том, как рос он на родной национальной почве и как был оторван от нее, но сохранил крепкую связь с нею на всю жизнь.

Кароль Курпинский очень гордился тем, что одна мелодия его оперы была использована Шопеном в музыкальной фантазии. Глинка знал произведения Шопена и любил в них то простое, ясное и певучее, чем отличалось искусство самого Глинки. На родине польского музыканта он еще глубже понял, как много сделал Шопен для своего отечества. С мыслью о Шопене Глинка написал фортепианную пьесу под заглавием «Воспоминание о мазурке».

Спустя почти полвека после этих событий Варшаву посетил другой выдающийся русский музыкант — Милий Алексеевич Балакирев. Он приехал сюда для участия в национальных торжествах: в Желязовой Воле открывался памятник Шопену.

Это он, Балакирев, первый подал мысль о сооружении памятника. И вот он здесь, среди народа, пришедшего поклониться Шопену. С чувством глубокого волнения он вслушивается в слова кантаты, написанной польским композитором Зигмундом Носковским к открытию памятника:

«Что ты так горько плачешь, Утрата? Зачем твои воды с такою отчаянностью бьются о берег?

— Как не плакать мне, когда я потеряла свое любимое детище,— отвечает река.—Детище, которое я воскормила и взрастила, погибло и нет его между людьми.

— Не плачь, Утрата. Твое дорогое дитя не погибло, хотя его уже давно нет между нами. Память о нем не перестанет жить в сердцах его почитателей. Имя его велико, всюду прославлено, а с ним прославляется и твое имя.

И успокоилась Утрата и потекли тихо воды ее, иногда только взбрызгивая на берега».

В концерте, посвященном Шопену, Балакирев сыграл несколько пьес и Вторую сонату гениального композитора.

Произведения Шопена Балакирев исполнял строго и проникновенно. «Не знаю, почему я отдаю предпочтение творчеству Шопена, но он меня всегда глубоко трогает. Его музыка родственна душе моей»,— так говорил Балакирев.

Эти чувства разделялись многими русскими музыкантами, современниками Балакирева. Композитор Н. А. Римский-Корсаков отмечает, что его опера «Пан Воевода», на польский сюжет, написана под влиянием Шопена: «Польский национальный элемент в сочинениях Шопена, которые я обожал, всегда возбуждал мой восторг. В опере на польский сюжет мне хотелось заплатить дань моему восхищению этой стороной шопеновской музыки, и мне

казалось, что я в состоянии написать нечто польское, народное».

Можно назвать и других русских композиторов и пианистов: братьев Антона и Николая Рубинштейнов, А. К. Глазунова, А. К. Лядова, С. В. Рахманинова. Все они преклонялись перед Шопеном и были превосходными исполнителями его замечательных произведений.

В их толковании Шопен — это не хрупкий, изнеженный певец салонов, а певец полнокровных чувств, пусть иногда печальных, но постоянно живых.

Главное для русского музыканта — передать благородные чувства музыки Шопена, и передать их с убедительной художественной простотой, отказываясь от всякой надуманности.

Тонко понимал Шопена выдающийся русский критик Владимир Стасов: «Глубокие думы о себе самом и о своем несуществующем более отечестве, свои радости и отчаяния, свои восторги и мечты, минуты счастья и гнетущей горести, солнечные сцены любви, лишь изредка прерываемые тихими и спокойными картинами природы,— вот где область и могучее царство Шопена, вот где совершаются им великие тайны искусства, под именем сонат, прелюдий, мазурок, полонезов, скерцо, этюдов...»

Почему с такой любовью относились к Шопену передовые русские музыканты? Потому что они ви-

дели в лице Шопена великого представителя славянского искусства. Он шел такою же дорогой, как и русские музыканты-классики. Он так же ненавидел всякую надуманную фальшивую музыку. Он признавал только музыку, связанную с жизнью народа и очень правдивую. И при этом находил новые средства, чтобы увлечь слушателя красотой своих произведений.

В прежней буржуазной Польше и в других буржуазных странах тоже были музыканты, исполнявшие музыку Шопена с тонким художественным мастерством. Но гораздо больше было таких, кто не хотел или не умел правильно понять Шопена. Они говорили, что искусство Шопена доступно только избранным знатокам, что оно непонятно широким народным массам. Ясно, для чего придумывались эти сказки. Ведь, если бы показать народу истинного Шопена с его страстной мечтой о свободе и независимости Польши, это могло бы умножить народные силы в борьбе за лучшую жизнь. Ведь каждой своей мазуркой или полонезом или балладой он словно говорит: «смотрите, сколько сил и душевной красоты в нашем народе, как мужественно отстаивал он свою жизнь в прошлом и какое счастье ожидает его в будущем, когда он сбросит с себя ярмо рабства!»

Вспомним, как отнеслись к имени Шопена фашисты, временно оккупировавшие Польшу. Они унич-

тожали все, что имело отношение к польскому национальному духу. Исполнение музыки Шопена было запрещено. Фашисты понимали, что произведения Шопена — это «пушки, прикрытые цветами». Памятник Шопену в Варшаве был разрушен и вывезен по частям. Гитлеровцы хотели даже уничтожить урну с сердцем Шопена, хранившуюся в варшавском костеле. Однако польские патриоты помешали этому преступлению. Урна была тайно вывезена из костела и только после освобождения Польши войсками Советской армии установлена на прежнем месте.

Советский народ с оружием в руках помог Польше избавиться от вековечных врагов и угнетателей. И вместе с Польшей обрел свободу ее верный сын Фридерик Шопен.

Советская музыкальная культура, унаследовав от старой культуры все ценное, бережно хранит сокровища музыки Шопена. В нашей стране талантливые пианисты старшего поколения, исполняя музыку Шопена, прежде всего стараются показать слушателю всю глубину ее содержания. Взгляд на Шопена, как на источник живых, благородных и правдивых чувств прививается и юному поколению советских музыкантов.

Задолго до второй мировой войны в Польше установился обычай устраивать международные конкурсы на лучшее исполнение музыки Шопена. На

этих соревнованиях первые места занимали молодые советские и польские пианисты. И на последнем конкурсе, организованном в Варшаве в октябре 1949 года к столетию со дня смерти Шопена победу одержали, вместе с польскими пианистами, воспитанники советской музыкальной школы Белла Давидович, Тамара Гусева, Юрий Муравлев, Евгений Малинин, Виктор Мержанов.

Искусство Шопена — это одно из золотых звеньев, скрепляющих культуру советского народа с польской культурой.

Лучшие музыканты Москвы, Ленинграда и других городов выступают в Польше, лучшие польские артисты приезжают в Советский Союз. И всегда в концертных программах значатся произведения Шопена.

Памятная дата — столетие со дня смерти Фридерика Шопена — отмечалась и на родине композитора и в нашей стране. 1949-й год назван в Польше «Шопеновским годом». Тысячи концертов, лекций, новые издания произведений Шопена, выставки, конкурсы, исследовательские работы — так готовилась Польша к столетней годовщине Шопена.

В жизни польского народа, строящего свою социалистическую культуру, Шопен занял место, которого он достоин как великий национальный художник. Однако Шопен принадлежит не только Поль-

ше. Чувства и думы польского народа выражены им так ярко и живо, в такой ясной художественной форме, что они понятны всем народам. Его искусство, столь национальное по характеру, приобрело значение международное, общечеловеческое. И мы по праву называем Шопена гением мировой музыкальной культуры.

Более ста лет назад, после гибели Пушкина один из словацких поэтов писал о нем в стихах:

«И песни его пройдут по славянским долинам...»

Наряду с песнями Пушкина, Глинки, Чайковского и мелодии Шопена прошли по славянским долинам. Они прошли по долинам всего мира. И до сих пор творения Шопена доставляют радость каждому, кто ценит в музыке подлинно прекрасное, правдивое, идущее из самой глубины человеческого сердца.

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько слов о Шопене 3
Детство и юность 7
Годы учения 12
В путь-дорогу 22
В Париже 35
Голос родины 45
Встречи 53
В гостях у Шопена 58
Два изгнанника 63
Зима на Майорке 67
На вершине 73
Последняя мазурка 80
Гений мировой культуры 87

Редактор М. Игнатьева Техн. ред. Е. Уварова
Художник И. Тимофеев

Подписано к печати 21/XII 1950 г. А 08488. Ф. б. 72×108 1/32=1,6 бум. л.—4,28 печ. л.+ вклейка. 3,4 уч.-изд. л. Тир. 15 000 экз. Зак. 662.

Типо-литография Музгиза. Москва, Щипок, 18.

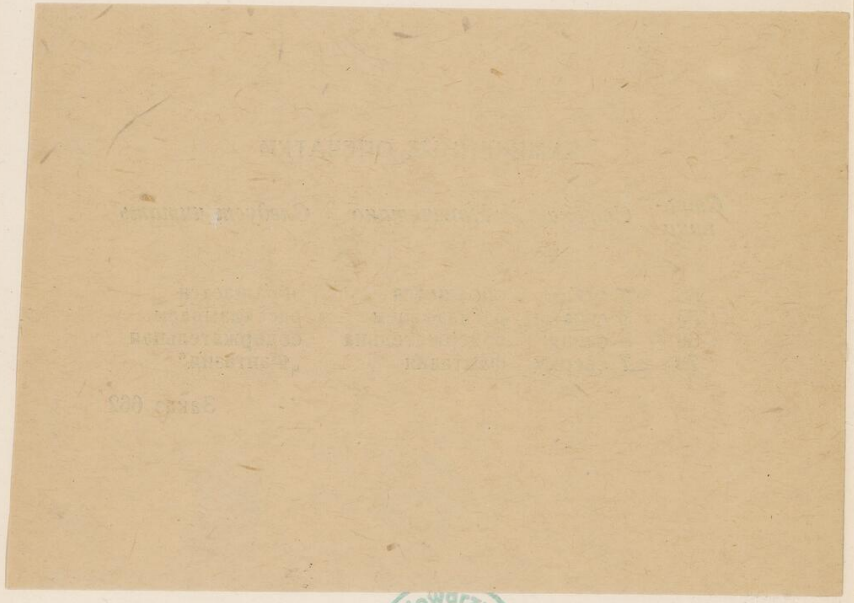
NARODOWY INSTYTUT FRYDERYKA CHOPINA BIBLIOTEKA

Zbiory Stowarzyszenia I.F.C.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
55	9 снизу	обращется	обращается
55	3 снизу	расказываем	рассказываем
60	5 снизу	содержательна	содержательная
79	7 сверху	фантазия	„Фантазия“

Заказ 662



Zbiory Stowarzyszenia
I. F. C.

IX 0.90

3 P.

2384

NARODOWY
INSTYTUT
FRYDERYKA
CHOPINA

D11

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Л. Синявер

ШО

Д

23Б4

Государ
Музыкальное
Москва · 195